

сольске (Сыктывкаре) вокруг Общества изучения Коми края и Института народного образования. Они делали первые шаги в науке. Среди них в первую очередь следует упомянуть *В.И. Лыткина*, *А.С. Сидорова* и *Г.А. Старцева*, которые начинали как краеведы-любители, но, получив образование, стали профессиональными учеными.

Главная особенность этого периода — масштабное участие местных краеведов в изучении традиционной культуры народов коми, что было обусловлено в первую очередь фактическим отсутствием в Коми крае специальных научных учреждений, которые занимались бы изучением этих вопросов¹. Существовавший в Усть-Сысольске отдел Архангельского общества изучения Русского Севера прекратил свою деятельность сразу после революции, в годы Гражданской войны. Созданный членами отдела местный краеведческий музей не стал центром серьезной научной работы. Кроме того, не было специальных научных кадров. Но потребность в исследовании родного края существовала, интерес к национальной культуре и истории народа коми возрастал. Во многом этот интерес стимулировали действия по созданию Автономной области Коми (зырян), ибо было необходимо обосновать родственность культур разных групп коми народа, проживавших перед революцией в разных губерниях. Эта деятельность нашла выражение в создании в 1922 г. Общества изучения Коми края, которое стало своеобразной местной «академией наук»². Толчком к объединению местной ин-

теллигенции послужил приезд в Усть-Сысольск профессора *А.Н. Грена*, который стал первым председателем этого общества.

6.1.1. Общество изучения Коми края

Общество изучения Коми края (ОИКК) сыграло ведущую роль в организации масштабных исследований традиционной культуры народов коми. Оно было учреждено 16 мая 1922 г. в Усть-Сысольске преподавателями Института народного образования, сотрудниками Областного отдела народного образования, Областного статистического бюро и других областных партийных и советских учреждений, «осознавших важность краеведческой работы». В числе организаторов можно назвать *А.Н. Грена*, *А.С. Сидорова*, *А.А. Чеусова*, *М.А. Молодцову* и др. Позднее отделения ОИКК возникли в 16 селах Коми области, а также в Москве, Перми, Ленинграде и Вятке (в форме студенческих кружков). Впоследствии, в 1924 г., благодаря усилиям ОИКК возобновил свою деятельность краеведческий музей, и была создана научная библиотека. Например, в 1925 г. в рядах ОИКК насчитывалось 554 члена³. По данным на 1929 г., общество поддерживало связи с 64 научными организациями, как в СССР, так и за его пределами (в Эстонии это Академическое общество родного языка, в Финляндии — Финно-угорское общество, в Венгрии — Академия наук; в числе зарубежных контактов указываются даже контакты с Манчжурией)⁴.

Основными целями ОИКК являлись «всестороннее изучение Коми области» и «распространение знаний среди трудящихся». Члены ОИКК активно изучали язык коми, этнографию и археологию, фольклор, историю, экономику, статистику. Развернулась работа по изучению природы и природных богатств.

¹ *Жеребцов И.Л.* «Золотой век» коми краеведения // Они любили край родной. Сыктывкар, 1993. С. 5–71; *Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Кузнецова Т.Л.* Их объединило краеведение. Сыктывкар, 2008.

² О деятельности Общества изучения Коми края см.: Они любили край родной. Сыктывкар, 1993; *Малкова Т.А.* Издания Общества изучения Коми края как источник по истории научных исследований в Коми области в 20-е годы XX века // Крестьянство Европейского Севера России в XVII–XX веках: проблемы изучения. Сыктывкар, 1993. С. 71–77. (Тр. ИЯЛИ. Вып. 54); Научный поиск продолжается. Институту языка, литературы и истории Коми научного центра УРО РАН 25 лет. Сыктывкар, 1995. С. 6–21; *Жеребцов И.Л.* «Золо-

той век» коми краеведения. С. 5–71; *Он же.* Общество изучения Коми края // Атлас Республики Коми. М., 2001. С. 384–385.

³ *Безносиков Я.Н.* Культурная революция в Коми АССР. М., 1968. С. 110.

⁴ Культурное строительство в Коми АССР... С. 157.

В качестве методической помощи ОИКК разрабатывало специальные программы. Деятельность ОИКК вызвала бурный рост краеведческого движения, что поставило на повестку дня проблему координации деятельности кружков на местах. С этой целью в 1925 г. была проведена Коми областная краеведческая конференция, на которой было избрано областное бюро краеведения¹.

В деятельности общества приняли участие немногочисленные специалисты и краеведы. Например, с ним активно сотрудничали местные исследователи **А.С. Сидоров**, **А.Н. Грен**, **В.И. Лыткин**, **А.М. Мартюшев**, **А.А. Цембер** и др. Одновременно к работе привлекались исследователи — выходцы из других мест, такие как **В.П. Налимов** (Москва), **Г.А. Старцев** (Ленинград), **К. Герд** (Ижевск), **И.Н. Мошегов** (Финляндия).

Результаты своих разысканий члены ОИКК публиковали в журнале «Коми му» (Земля Коми), который выходил в 1924–1929 гг. в Усть-Сысольске. Это первый специальный краеведческий периодический журнал, который широко освещал многие проблемы культуры народов коми². Он выходил тиражом 1000 экземпляров, весьма приличным для местного издания, причем 760 журналов расходились по подписке, а 40 — обменивались³. Издание неоднократно отмечалось в хронике краеведческой работы страны: «Журнал имеет изящную внешность, печатается на хорошей бумаге, выходит ежемесячно. Издание это делает большую культурную работу, к которой с интересом присматриваются»⁴. Кроме того, позднее,

в 1928–1930 гг., общество издало пять выпусков «Записок ОИКК», а также два «Сборника комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка».

Одновременно ОИКК считало крайне важным налаживание контактов с различными научными и другими краеведческими организациями за пределами Коми области. Например, был налажен обмен литературой с 54 научными и иными центрами в СССР и 14 зарубежными странами. Кроме того, к проводимым исследованиям привлекались специалисты из Москвы, Ижевска, Перми, Ленинграда. Деятельность местных исследователей не оставалась незамеченной за пределами Коми области. Например, Д.В. Бубрих отмечал, что «много работают коми-зыряне. Из их среды выдвинулся ряд работников, которые все уже переросли чисто практический интерес к родному языку»⁵.

Алексей Николаевич Грен (1862–1932) — русский лингвист-кавказовед, педагог, журналист, издатель, этнограф. Родился в Екатеринбургe в семье офицера. В 1885 г. А.Н. Грен окончил факультет восточных языков, а в 1886 г. — естественно-исторический факультет Санкт-Петербургского университета⁶. После университета он некоторое время был помощником консерватора Азиатского музея Академии наук. В 1886 г. Академией был направлен на Кавказ для изучения мингрельского языка. С 1887 г. работал инспектором народных училищ Тифлисской губернии. Затем — преподавательская деятельность. С 1892 г. он приват-доцент истории Востока Харьковского университета⁷, с 1893 г. — Университета Святого Владимира в Киеве.

¹ Грен А.Н. Задачи предстоящей Коми областной краеведческой конференции // Коми му. 1925. № 3–4. С. 80.

² Лобанова О.Н., Роцевская Л.П. Журнал «Коми му» (1924–1929) // Вестник культуры Коми АССР. 1990. № 1. С. 19–20.

³ Культурные связи русских и коми на Европейском Севере в XVII — начале XX вв. Методические указания по спецкурсу и роспись содержания журналов «Коми му» и «Записки Общества изучения Коми Края» / сост. О.В. Орлова. Сыктывкар, 1995. С. 3.

⁴ Краеведение. 1925. № 3–4. С. 345–346.

⁵ Бубрих Д.В. Финно-угорское языкознание в СССР // Финно-угорский сб. Л., 1928. С. 124. (Тр. комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Вып. 15.)

⁶ Попов А.А. Лингвист и этнограф Зырянского края, основатель Общества по его изучению // Они любили край родной... С. 105–114.

⁷ Халановский М.Г., Багалеи Д.И. Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905). Харьков, 1908. С. 293–295.

Публикует ряд сочинений по истории Кавказа¹. В 1904 г. А.Н. Грену было запрещено заниматься педагогической деятельностью, после чего он стал редактором ряда научно-популярных журналов. Например, в Киеве — редактором журнала «Россия и Азия», в 1907 г. в Москве — юмористического журнала «Москвитянин-задвигка» и газеты «Трибуна». Одновременно писал книги на разнообразную тематику². Несколько раз побывал за границей. В 1913 г. переехал в Петербург и преподавал на Чернавинских курсах, где в это время работал **К.Ф. Жаков**. А.Н. Грен читал историю, антропологию, историю педагогики и дидактику. К революции он был уже сложившимся специалистом-гуманитарием.

После революции, в 1918 г. — педагог Вологодского пединститута, где преподавал некоторые общественные науки. Его непосредственное знакомство с культурой коми

¹ Грен А.Н. Расы древнего мира и их историческая характеристика (Вступительная лекция по предмету истории Востока приват-доцента А.Н. Грена, читанная 6 сентября 1893 г.). Киев, 1895; *Он же*. Краткий очерк истории Кавказского перешейка. Киев, 1895. Вып. 1; *Он же*. Библиографический список карт, картин, сочинений и статей, относящихся к Терской области. А. Библиография до 1874 г. // Терской сборник; *Он же*. Чеченские тексты, записанные и переведенные под моим руководством Ибрагимом Могомедовым из аула Гехи. А. Текст в подлиннике. В. Сказки и легенды в русском переводе. С. Лингвистические заметки / сост. А. Грен, пр.-доц. истории Востока и этнографии в Киевском университете. Тифлис, 1897; То же // Сб. материалов для описания племен Кавказа. Вып. 22; *Он же*. Учебник истории Древнего Востока: пособие для государственного экзамена в русских университетах / Сост. пр.-доц. истории Востока Киевского университета Св. Владимира А.Н. Грен. Киев, 1898; *Он же*. Армения. Историко-литературный сборник по географии, истории и литературе армянского народа / Сост. и пер. А.Н. Грен. Киев, 1899.

² Грен А.Н. Спиритизм. Пятигорск, 1902. Вып. 1; *Он же*. Новый полный письмовник для влюбленных. М., 1911; *Он же*. Самоучитель немецкого языка. Полное руководство научиться в самое короткое время говорить, свободно читать и писать по-немецки / Сост. пр.-доц. Киевского университета А.Н. Грен. М., 1911; *Он же*. Гипнотизм. 2-е изд., доп. М., 1912; *Он же*. Барон Ротшильд и его сыновья; *Он же*. Полный курс гипнотизма и магнетизма пр.-доц. А.Н. Грена. М., 1912. Вып. 1–4.

началось в 1919 г., когда он возглавил археологическую экспедицию Вологодского педагогического института по изучению бассейна средней Вычегды³. В декабре 1921 г. А.Н. Грен обратился в Совет института с просьбой о переводе в Москву в Институт живых восточных языков преподавателем грузинского языка. Но вместо этого в начале 1922 г. он был направлен в Усть-Сысольск одним из педагогов в недавно созданный Институт народного образования и Коми педтехникума. Здесь он начал заниматься изучением коми этнографии, вел большую научно-исследовательскую работу, участвуя в экспедициях по сбору этнографических и фольклорных материалов, проводил археологические раскопки.

Следует сказать, что А.Н. Грен сыграл решающую роль в подготовке здешних краеведческих и научных кадров. В местном журнале «Коми му» он опубликовал серию статей, в которых раскрывался широкий спектр научных вопросов. Наибольший интерес представляет работа А.Н. Грена «Зырянская мифология», посвященная дохристианским верованиям коми⁴. Это обобщающая статья, в которой профессор А.Н. Грен очерчивает эволюционную линию развития религии народов коми, используя методологию историко-мифологической школы, в первую очередь исходя из теории пережитков. По его мнению, существующие научные данные укладываются в следующий теоретический ряд: анимизм, культ предков, демонизм, космогонические представления и мифология, т.е. развитие от простейших форм к высшим, более сложным. Вслед за **П.А. Сорокиным** он выявляет дуалистические представления о душе у коми-зырян. Одновременно исследователь пытается обосновать тезис о заимствовании большинства персонажей коми мифологии из иранского пантеона. Например, высшее божество

³ Безносиков Я.Н. Культурная революция... С. 110.

⁴ Грен А.Н. Зырянская мифология // Коми му. 1924. № 4–6. С. 45–58; *Он же*. Зырянская мифология. Глава 3: Следы культа предков у зырян. Глава 4: Следы демонизма у зырян // Коми му. 1924. № 7–10. С. 30–39; *Он же*. Зырянская мифология. Дуалистическая религия у зырян и ее эсхатология // Коми му. 1925. № 1. С. 23–33.

коми *Ен*, по его мнению, связано с киммерийским божеством *Ану*. Кроме того, А.Н. Грен, как знаток кавказских языков, пытался найти в коми языке параллели, соответствия некоторым кавказским реалиям, а также обосновать тезис о прародине коми на Северном Кавказе. Правда, он сам относился к этим предположениям весьма скептически, считая их гипотезой, так как его познания в коми языке были крайне ограничены. Поэтому серьезные лингвистические исследования в этой области он не предпринимал. По-видимому, А.Н. Грен, начинавший научную деятельность как кавказовед, был знаком с работой венгерского лингвиста Б. Мункачи, посвященной сравнению финно-угорских и арийских (кавказских) языков и культур¹.

Вообще он был достаточно эрудированным специалистом, энциклопедически подготовленным. В 1924 г. А.Н. Грен стал инициатором первой в советское время дискуссии по проблемам алфавита языка коми². Также он выдвинул идею латинизации коми алфавита, исходя из разрабатывавшейся в то время Комитетом нового алфавита системы письма для малочисленных народов СССР³. Но для того времени эта идея оказалась преждевременной. На это предложение А.Н. Грена откликнулся ярый сторонник перехода на латинскую графику В.М. Молодцов⁴. Дискуссия сошла на нет в связи с неожиданным отъездом его инициатора из Усть-Сысольска летом 1925 г. В настоящее время можно утверждать, что идея латинизации письменности была ошибочной, хотя некоторое время коми письменность все же существовала на основе латинской графики.

А.Н. Грену принадлежит интересная статья «Зырянская (коми) литература», в которой

он попытался воссоздать историю зарождающейся профессиональной литературы на коми языке⁵. Отцом этой, как он ее называет, «искусственной» литературы, по мнению исследователя, является *Г.С. Лыткин*. Для нас наибольший интерес представляет обзор коми народной литературы, как А.Н. Грен обозначал фольклор. По его мнению, наиболее ценны для исследователя причитания, широко представленные в обрядовой практике этого народа. Ученый выделяет в фольклоре животный эпос, подразумевая под этим циклы сказок о животных, которые были очень распространены у коми; особый раздел мифологических сказаний, объясняющих происхождение мира, и богатырский эпос. Причем в последнем А.Н. Грен намечает три уровня: 1) связанный с коми мифологией; 2) разбойничий эпос; 3) заимствованный из русских былин. Так как А.Н. Грен хорошо знал кавказский материал, то в своих сопоставлениях он постоянно обращается то к библейским, то кавказским сюжетам.

Например, в статье «Существует ли у зырян литература?» он крайне скептически оценивал зарождающуюся профессиональную литературу на языке коми. В то же время в целях пропаганды культуры коми А.Н. Грен предпринял попытку литературной обработки на русском языке одного из вариантов коми предания о богатыре Иркабе. В свою обработку он включил ряд других коми фольклорных мотивов⁶. Это сочинение вызвало одобрительный отзыв известного коми поэта, драматурга и общественного деятеля В.А. Савина⁷. А.Н. Грену также принадлежит одна из первых критических статей по истории коми профессионального театра⁸.

¹ Munkácsi B. Arja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben. Budapest, 1901.

² Попов А.А. Лингвист и этнограф... С. 107–109.

³ Грен А.Н. К вопросу о применении латинского алфавита к языкам Коми и Удмурт // Коми му. 1924. № 3. С. 50–59.

⁴ Молодцов В.А. Грен А.Н. К вопросу о применении латинского алфавита к языкам Коми и Удмурт // Коми му. 1924. № 3; 1924. № 7–10. С. 151–156.

⁵ Грен А.Н. Зырянская (Коми) литература // Пермский краеведческий сб. Пермь, 1927. Вып. 3. С. 80–86.

⁶ Грен А.Н. Иркаб. Драматические сцены из зырянского былинного эпоса // Зап. Общ-ва изучения Коми края. Усть-Сысольск, 1929. Вып. 2. С. 75–96.

⁷ Савин В.А. Иркаб // Зап. Общ-ва изучения Коми края. Усть-Сысольск, 1929. Вып. 2. С. 71–74.

⁸ Грен А.Н. О театре в Коми области // Коми му. 1925. № 1. С. 51–53.

Современные исследователи культуры коми положительно оценивают усть-сыольский период деятельности этого яркого и самобытного ученого. За несколько лет, которые он провел в Коми крае, существенно расширился его научный кругозор благодаря основательному изучению проблем языкознания и этнографии коми. А.Н. Грен не только стал организатором первых научных исследований народа коми, но и в какой-то мере стимулировал интерес к этим научным проблемам у местных краеведов (*А.С. Сидорова, В.И. Лыткина, В.А. Молодцова, Н.А. Шахова* и др.), которые позднее стали серьезными специалистами. Он постоянно муссировал вопрос о необходимости расширения и углубления научных гуманитарных исследований в регионе путем создания в Коми крае специального научного учреждения, особенно остро вставший после неудачной попытки создания Коми института народного образования. Например, ученый настаивал на развертывании краеведческих исследований при Коми педтехникуме, привлечения учащихся к этому процессу, что позднее было претворено в жизнь *А.С. Сидоровым*. Впоследствии, в 1934 г., в Усть-Сыольске был создан исследовательский центр¹. Кроме того, А.Н. Грен принадлежал к числу тех местных исследователей и общественных деятелей, которые в середине 1920-х гг. выступили против научного обоснования присоединения Коми края, принятого в Архангельске. Эта идея была высказана в книге «Северо-Восточная область. Материалы по районированию. Часть 1–2», изданной в Архангельске в 1924–1925 гг. Северным Облпланом. Эта книга вызвала резкую критику А.Н. Грена и *А.С. Сидорова*².

¹ Комплексный Коми научно-исследовательский институт краеведения, который являлся научным центром изучения истории, языка, культуры коми народа.

² *Грен А.Н.* Что знает Архангельский Облплан о северо-восточных «инородцах» // Коми му. 1925. № 2. С. 49–51; *А.С. (Сидоров А.С.) А.Н. Дьячков. Зыряне.* (Статья под заглавием «Население» в сборнике «Северо-Восточная область. Материалы по районированию. Часть первая». Архангельск, 1924) // Коми му. 1925. № 2. С. 51–54.

Необходимо отметить еще один аспект деятельности профессора А.Н. Грена в Усть-Сыольске. Речь идет об организации специальной кафедры (факультета) при одном из центральных вузов страны для систематического исследования культуры финно-угорских народов и подготовки специалистов для этой цели. В письме в Наркомат просвещения в 1924 г. он писал: «...*Существует такая семья языков, которая имеет за собой массы населения России, которая оказала огромное влияние на русский язык и русскую культуру, к которой принадлежат многие из наших соседей и между тем в наших университетах нигде не имеется посвященных ей кафедр. Это угро-финская семья языков. И эта семья языков, имея представителей-профессоров в Венгрии и Финляндии, совершенно не изучается... Мало того, после смерти академика Видемана нет ни одного представителя финнологии в Российской академии наук. Чем это объясняется? А тем, что старые финнологи, Видеман, Альквист, Кастрен, а в старое время — Клапорт, давно уже лежат в могиле, а новых финнологов нет, так как этот предмет у нас нигде не читается, кроме Усть-Сыольска, где по финнологии работают проф. Грен и местные специалисты Молодцов, Сидоров и Чеусов, да еще отчасти в Перми... Угро-финнология не читается ни в одном из русских университетов. Их, как оказывается, опередил Усть-Сыольск*»³.

В 1925/1926 учебном году решался вопрос о работе А.Н. Грена в Пермском университете. Он был избран профессором по кафедре языка и культуры коми, в июне 1926 г. утвержден Наркомпросом РСФСР в должности профессора по курсу «Язык и культура коми», одновременно назначен председателем коми отделения и заведующим коми кабинетом университета. Но проработал в Перми недолго (1.10.1926–1.11.1927) и был вынужден оставить службу по болезни, уйдя на пенсию⁴. Однако во второй половине 1920-х гг.

³ *Попов А.А.* Лингвист и этнограф... С. 113–114.

⁴ Грен Алексей Николаевич. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.psu.ru>.

А.Н. Грен состоял профессором Кубанского педагогического института в Ростове-на-Дону, а в 1930-х гг. работал в Абхазии, в Сухуми, где и умер¹.

В рамках общества начинает разрабатываться совершенно новая для коми краеведения и этнографии историко-демографическая проблематика на основе известных к тому моменту различных письменных источников: писцовых книг, ревизских сказок и других². Это выразилось в публикации серии статей *А.М. Мартюшевым*, посвященных динамике, численности и миграции местного населения. Эта проблематика вновь станет актуальной значительно позже, в конце 1980-х гг., когда ее стал активно разрабатывать И.Л. Жеребцов³.

Мартюшев Алексей Макарович (1874–?) — коми общественный деятель и краевед. Родился в крестьянской семье в дер. Усть-Щугор на Печоре⁴. Грамоте его научил отец, служивший местным лесным объездчиком, позднее он самостоятельно занимался самообразованием. Несколько лет, будучи грамотным человеком, служил писарем в разных печорских селах: Усть-Кожве, Мохче⁵. В 1895 г. А.М. Мартюшев был призван в ар-

мию и служил сначала в Усть-Сысольске, а затем — в Тифлисе писарем в Окружном инженерном управлении. Вернувшись в 1899 г. на родину, работал конторщиком в шведской лесопромышленной фирме «Альфред Лидбек и К^о». В конце 1900 г. началась его земская служба в качестве члена земской управы. Это позволило А.М. Мартюшеву объездить весь Усть-Сысольский уезд, большую часть Коми края. В это время он заинтересовался состоянием кустарных промыслов у коми. На основе собранных материалов ученый написал свою первую научно-краеведческую книгу⁶. Она до сих пор остается одним из главных источников о занятиях коми крестьян начала XX в.: о смолокурении, выделке лодок, глиняной и деревянной посуды, сапожничестве и т.д. В ней приводятся не только статистические сведения, но и, что более важно для исследователя традиционной культуры, описания ряда народных технологий. Его книга до настоящего времени является ценнейшим источником по брусянному промыслу, который он наблюдал с детства⁷. А.М. Мартюшев ратовал за улучшение бедственного положения здешнего населения, которое было стеснено отсутствием пахотных земель и было вынуждено заниматься отхожими промыслами. Кроме того, полученные в эти годы наблюдения в советское время он попытался обобщить в специальной статье, в которой предложил обсудить вопрос о земледелии у коми с точки зрения землеустройства⁸. В годы Первой русской революции исследователь оказался в числе прогрессивно настроенных местных деятелей⁹. Как он пишет в своей автобиографии: «Под влиянием В.И. Беляева и В.Ф. По-

¹ *Косвен М.О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч. 3 // Кавказский этнографический сб. М.; Л., 1962. Вып. 3. С. 222. (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 79.)

² *Жеребцов И.Л.* Общество изучения Коми края и становление историко-демографических исследований на территории Коми АССР // Проблемы историографии Европейского Северо-Востока СССР. Сыктывкар, 1987. С. 67–72. (Тр. ИЯЛИ. Вып. 42.)

³ *Жеребцов И.Л.* Коми край в XVIII — середине XIX века: территория и население. Сыктывкар, 1998; *Он же.* Историография историко-демографических исследований в Республике Коми // Историография коми. Сыктывкар, 1999; *Он же.* Основные итоги этнодемографических исследований в Республике Коми в 1990-е годы // Северный регион России: социально-экономические, демографические и этнические процессы. Сыктывкар, 2000. С. 60–66.

⁴ «Остался навсегда беспартийным...» (автобиография Алексея Мартюшева) // Родники Пармы — 93. Сыктывкар, 1993. С. 90–98.

⁵ Там же С. 91–92; *Жеребцов И.Л.* Человек Февраля // Они любили край родной. Сыктывкар, 1993. С. 183–184; *Он же.* Мартюшев А.М. // Республика Коми: энцикл. Сыктывкар, 1999. Т. 2. С. 255.

⁶ *Мартюшев А.М.* Краткий очерк кустарных промыслов населения Усть-Сысольского уезда. Вятка, 1904.

⁷ Этому промыслу была посвящена его специальная работа: *Мартюшев А.М.* К восстановлению разработок точильных изделий на Печоре // Коми му. 1925. № 8. С. 11–16.

⁸ *Мартюшев А.М.* К вопросу о землевладении и землеустройстве в Коми области. (В дискуссионном порядке) // Коми му. 1924. № 3. С. 5–13.

⁹ *Жеребцов И.Л.* Человек Февраля... С. 185–188.

*пова весьма быстро сделался сторонником конституционной монархии, вернее — сделался подголоском тех же Беляева и Попова, сочувствие которых в то время вертелось около программы кадетской партии»¹. Но эта симпатия к кадетам позднее была использована против него как знак нелояльности к советской власти. В результате А.М. Мартюшев был уволен со службы и, как считалось до недавнего времени, несколько лет крестьянствовал на Печоре. Однако существуют сведения о том, что в 1905 г. он был писарем в с. Щугор, и по его «подстрекательству отобрали у притча местной церкви землю, прекратили сбор денег на отопление храма, содержание сторожа и просфирни»². Вообще действия А.М. Мартюшева характеризуются противоречивостью. В 1912 г. он, будучи учителем Позорихинской приходской школы, выступил против священника и одновременно подал епархиальному начальству прошение об определении его на праздную священническую должность при Щугорской церкви, но потом отозвал его³. В декабре 1914 г. учитель Щугорского духовного училища стал представителем приходского Попечительского совета о семьях, призванных на войну. В 1915 г. А.М. Мартюшев был призван в армию, воевал в Польше, затем под Ригой. Позднее его отправили служить в Петроград. А.М. Мартюшев предпринял попытку стать офицером, для чего сдал экзамены за гимназический курс при 10-й Петроградской гимназии и отправился в Гатчинское военное училище, но не прошел строевое обучение. Возможно, в это время он познакомился со своими земляками — *К.Ф. Жаковым* и *П.А. Сорокиным*.*

Февральская революция 1917 г. выдвинула А.М. Мартюшева из простой солдатской массы. Хотя и он не был революционером, но в силу своей начитанности и образованности выделился из числа своих однополчан. Недавно И.Л. Жеребцов назвал его «человеком

Февраля»⁴. А.М. Мартюшев стал депутатом Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. В том же году демобилизовался, вернулся на родину и стал принимать активное участие в местном общественном движении, был одним из организаторов Общества обновления местной жизни. После Октябрьской революции был избран председателем Исполкома Усть-Сысольского уездного совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. После «большевизации» Совета в 1818 г. был снят с этой должности как контрреволюционер. А.М. Мартюшев отправился в Пермь, где участвовал в продовольственной экспедиции на Печору. В начале Гражданской войны он перебрался в Вологду. Но в 1919 г. вернулся в Усть-Сысольск как представитель Северосоюза для выявления возможностей развития кустарной промышленности и был избран председателем местного совета кооперативов. С этого времени по 1928 г. он принимает активное участие в общественной работе и научных исследованиях⁵.

С 1924 г. А.М. Мартюшев сотрудничает с журналом «Коми му», в котором опубликовал ряд статей, становится членом Общества изучения Коми края. В 1928–1929 гг. он фактически руководитель этой исследовательской организации. Его научные работы касаются в основном экономических вопросов, раскрытие которых крайне важно при описании традиционного хозяйства коми-зырян. Позднее А.М. Мартюшев все больше интересуется исторической тематикой. Так, ему принадлежит первая попытка оценки Жития *Стефана Пермского* как исторического источника⁶. А.М. Мартюшев делает оригинальный вывод о том, что автором этого сочинения в той редакции, которая дошла до нашего времени, является не *Епифаний*, а церковный писатель Пахомий Серб⁷. Это мнение не было поддер-

¹ «Остался навсегда беспартийный...»... С. 93.

² Летопись Щугорской Стефановской церкви // Изв. ОИКК. Сыктывкар, 2006. Вып. 2 (8). С. 130.

³ «Остался навсегда...» С. 132–132.

⁴ Жеребцов И.Л. Человек Февраля... С. 187.

⁵ Там же. С. 191–198.

⁶ Мартюшев А.М. Епифаниева повесть как исторический документ о коми народе // Зап. Общ-ва изучения Коми края. Сыктывкар, 1929. Вып. 2. С. 12–34.

⁷ Мартюшев А.М. Епифаниева повесть... С. 13–15.

жано учеными. Аргументированно против него выступил Чожмёр (**С.А. Попов**), который пишет, «что оригинал повести Епифания до нас не дошел»¹. Об этом упоминал еще В.О. Ключевский, который уточнял: «Не удалось найти “Житие” в списках XV века, даже в XVI веке полные списки его редки. Самый ранний из известных — в т.н. Синодальных Четьи Миняях до Макарьевского состава — начала XVI века»². Поэтому С.А. Попов полагает, что для научного решения этой сложной источниковедческой проблемы следует провести тщательный разбор данного источника с привлечением всех известных списков. Сам факт обсуждения А.М. Мартюшевым вопроса об авторстве Жития Стефана Пермского говорит о большой начитанности усть-сысольского краеведа. Но его точка зрения была ошибочной. В настоящее время ученые не сомневаются в авторстве **Епифания**. Однако считается, что по указанию митрополита Макария Пахомий Серб отредактировал его Житие Сергея Радонежского. Во второй половине XV в. Пахомий Серб создал акафист Стефану Пермскому и одновременно написал новое, краткое Житие Стефана, пользуясь сочинением Епифания Премудрого³.

А.М. Мартюшев критикует данный литературно-исторический источник с атеистической точки зрения. Он отмечает, что «все зани-

мавшиеся изучением истории Коми народа или молча обходили “чудесные” действия Степана (он использует такое написание имени святителя. — А.Т.), или восхищались этими чудесами, характеризовали Степана, как посланника “божия” в Коми край. При таком отношении к делу выяснения истории Коми народа едва ли возможно осветить Степановскую эпоху сколько-нибудь правильно»⁴. Вообще, эта работа иллюстрирует скептический настрой ее автора, хотя в ней можно обнаружить некое рациональное зерно. Так, он предлагает внимательно рассмотреть вопрос о дате рождения Стефана (обычно называют 1350 г.). А.М. Мартюшев считает, что святитель родился раньше: потому что если сопоставлять время смерти Прокопия Устюжского (1303), определившего в трехлетней девочке мать будущего святителя, то получается, что она родила его в 50 лет, что маловероятно. А.М. Мартюшев считает, что в тексте Жития имеется много темных мест, которые он пытается прояснить.

Одновременно появляется серия его историко-демографических работ, в которых А.М. Мартюшев прослеживает динамику развития коми этноса в XVII — начале XX в.⁵ В частности, опубликовал важные данные о численности коми по материалам «Экономических примечаний к Генеральному межеванию» 1786 г. И.Л. Жеребцов считает, что, не имея научной подготовки и не владея специальными методиками, он допустил ряд существенных ошибок и неточностей в определении темпов прироста народа коми, в частности, он преуменьшал численность коми населения⁶. Кроме того, он первым из исследовате-

¹ Чожмёр (С.А. Попов). В поисках исторической правды // Зап. общ-ва изучения Коми края. Сыктывкар, 1929. Вып. 3. С. 31. С.А. Попов был одним из организаторов исторического изучения Коми края. Окончил Сыктывкарский педтехникум повышенного типа. Его учителем был А.С. Сидоров, который в 1924 г. привлек его к фольклорно-этнографической экспедиции на Печору. Позднее по заданию Общества изучения Коми края занимался поиском и описанием исторических документов в архивах Москвы и Ленинграда. В начале 1930-х гг. — директор Коми областного краеведческого музея. В 1933 г. арестован как участник контрреволюционной, националистической и шовинистической организации, после суда отбывал наказание в Казахстане и Оренбурге.

² Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 92, прим. 2.

³ Пахомий Серб. Житие Стефана Пермского // Чернецов А.В. «Самотворитель новых грамоты» Стефан Пермский... С. 125–128.

⁴ Мартюшев А.М. Епифаниева повесть... С. 16.

⁵ Мартюшев А.М. Население Коми области 300 лет тому назад. Алфавит фамилий и прозвищ, существовавших во время переписи населения Яренского уезда в 1646 г. // Коми му. 1927. № 1–2. С. 50–82; Он же. Движение народонаселения Коми области за 300 лет. (Материалы к истории народа коми) // Коми му. 1927. № 10–11. С. 41–55; 1928. № 1. С. 26–31.

⁶ Жеребцов И.Л. Коми край в XVIII — середине XIX века: территория и население. Сыктывкар, 1998. С. 8; Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Этнодемографические процессы в Коми крае (XI — начало XX века). Сыктывкар, 2005. С. 13–14.

лей коми начал применять антропонимические данные для выявления путей миграции коми-зырянского населения¹. С этих методологических позиций написана его статья о заселении Печорского края². В ней также рассматривается этническая история коми-зырян, автор исследует вопросы взаимоотношения коми с русскими и ненцами. Кроме того, ученый занимался вопросом истории присоединения Коми края к Московскому государству и посвятил этому две статьи³. Во второй рассматривается вопрос о деятельности **Стефана Пермского** и его преемников в Усть-Выми до времени переноса епископской кафедры в Вологду. Автор предлагает критически относиться к сочинениям **М.И. Михайлова** и **Г.С. Лыткина**, которые не были объективны в освещении исторического прошлого Коми края. По его мнению, общественно-политическая жизнь коми народа после того, как Коми край попал под власть Москвы, резко изменилась в сторону ограничения прав⁴.

Наиболее емкую характеристику деятельности А.М. Мартюшева как исследователя-историка дал Чожмёр (С.А. Попов): «Автор не верит имеющимся документам, которые всегда, по его мнению, составлены позже, или на несколько столетий, или искажают действительность. К истолкованию факта он подходит с самой практической точки зрения, учитывая конкретные особенности, условия, в которых приходилось совершаться данному событию. Этот подход является очень ценным и плодотворным при разборе исторических фактов, но игнорирование исторических документов, ироническое отношение

к ним, с которыми т. Мартюшев далеко не всегда знаком, является вещью недопустимой»⁵. Определенную роль в подобной трактовке исторических событий А.М. Мартюшевым сыграло и то, что он работал в эпоху национального романтизма, когда национальная идея часто превалировала над реальным знанием и мифологический подход был более значим. Кроме того, революционное время было наполнено пафосом критики прошлого знания и идей. Критиковали А.М. Мартюшева и другие усть-сысольские краеведы, в частности А.С. Забоев⁶.

После закрытия в 1931 г. Общества изучения Коми края А.М. Мартюшев, как и многие представители местной творческой интеллигенции и краеведения, в рамках кампании по «обличению контрреволюционеров и буржуазных националистов» оказался под огнем резкой критики. Наиболее концентрированно эта критика была выражена в книге историка **Н.И. Ульянова**. Так, последний прямо называет его «эсером», «первым председателем кулацкого уисполкома». По его мнению, А.М. Мартюшев был одним из тех, кто «определял физиономию... журнала "Коми му", пропагандировал кулацкие и националистические идеи»⁷.

Формулированию подобного мнения способствовал ряд причин. Во-первых, А.М. Мартюшеву припомнили его близость с местными эсерами в 1905–1907 гг. и между Февральской и Октябрьской революциями. Он был вынужден публично покаяться в этом⁸. Во-вторых, в числе публикаций исследователя были работы, написанные в эпоху «романтического краеведения», в которых он присоединение Коми края к Московскому

¹ Мартюшев А.М. Население Коми области 300 лет тому назад...

² Мартюшев А.М. К истории заселения Печорского края // Зап. Общ-ва изучения Коми края. Сыктывкар, 1929. Вып. 3. С. 44–66.

³ Мартюшев А.М. Коми народ в первый период его исторической известности (материалы к истории Коми народа) // Коми му. 1928. № 2. С. 34–41. № 3.

⁴ Мартюшев А.М. Коми народ как объект Московской завоевательной политики в XIV–XVI веках // Зап. Общ-ва изучения Коми края. Усть-Сысольск, 1928. Вып. 1. С. 54–79.

⁵ Чожмёр (С.А. Попов). В поисках исторической правды... С. 31.

⁶ Забоев А.С. (Сан-Антус) Заметки о народонаселении Коми области в связи с историей коми. (К вопросу о внутриобластном расселении) // Коми му. 1927. № 12. С. 20–31; 1928. № 1. С. 7–12.

⁷ Ульянов Н.И. Очерки истории народа коми-зырян. М.; Л. С. 168.

⁸ Жеребцов И.Л. Человек Февраля... С. 201.

государству называл колонизацией¹. Подобная терминология в ту эпоху не приветствовалась. Но, как мне кажется, истинная причина крылась в ином. В то время развернулась дискуссия о новом районировании СССР и возможном включении территории Коми края в состав вновь организуемого Северного края с центром в Архангельске². А.М. Мартюшев принял в ней активное участие, защищая право Автономной области Коми (зырян) на свою административную самостоятельность³. Н.И. Ульянов пишет об этом, «что Мартюшев развил тонкую пропаганду, запугивая массы тем, что Коми область в случае включения в Северо-восточную область может по-прежнему остаться только сырьевым придатком для Архангельского порта. Он дал основные пункты, по которым развернулась в дальнейшем аргументация против вхождения коми в Северный край»⁴.

На рубеже 1932–1933 гг. А.М. Мартюшев был арестован и осужден как «буржуазный националист и контрреволюционер». Место и время его гибели неизвестны. Его работы перестали использоваться учеными, а имя постепенно было забыто. И лишь в конце 1970-х годов имя ученого вновь стало появляться на страницах научной печати. В последнее время имя А.М. Мартюшева чаще всего упоминается в связи с его политическими взглядами в становлении идеи коми государственности⁵.

С деятельностью Общества изучения Коми края связан научный дебют целого ряда местных исследователей, которые сыграли впоследствии важную роль в изучении традиционной культуры народов коми. Среди них можно назвать *А.С. Сидорова, П.Г. Дорони-на, В.И. Лыткина*, деятельность которых продолжилась в 1950–1960-е гг.

Алексей Семенович Сидоров (1892–1953) — разносторонне одаренный ученый, с именем которого связана целая эпоха в развитии коми языкознания, этнографии, литературоведения и археологии⁶. Начав свою научную деятельность как археолог, позднее он заинтересовался этнографией, а затем стал профессионально заниматься лингвистикой.

А.С. Сидоров родился 10 октября 1892 г. в селе Палевицы Яренского уезда Вологодской губернии (ныне — Сыктывдинский р-н Республики Коми), в крестьянской семье. В родном селе он окончил церковно-приходскую школу и двуклассное училище. С помощью местного учителя, снабдившего его небольшой суммой денег, в 1907 г. он отправился учиться в Тотемскую учительскую семинарию, которую окончил в 1911 г. и стал учителем. Потом работал преподавателем четырехклассной начальной школы в деревне Кони на Выми. В эти годы А.С. Сидоров проявил интерес к научным исследованиям: записывал

¹ *Мартюшев А.М.* Коми народ в первый период...; *Он же.* Коми народ как объект...

² Обзор этой дискуссии см.: *Ульянов Н.И.* Очерки истории... С. 163–179; *Кузванова О.Ю., Попов А.А., Сметанин А.Ф.* В начале пути (Очерки истории становления и развития Коми автономии). Сыктывкар, 1996. С. 75–90.

³ *Мартюшев А.М.* Коми область в районировании Севера // *Коми му.* 1925. № 9. С. 3–13; *Он же.* Несколько слов о методах работы Северо-Восточного Облплана по вопросу о районировании СВО // *Коми му.* 1926. № 1. С. 34–41.

⁴ *Ульянов Н.И.* Очерки истории народа... С. 176.

⁵ См., например: *Жеребцов И.Л.* Они были первыми // *Создатели коми автономии / И.Л. Жеребцов [и др.].* Сыктывкар, 2006. С. 121–123.

⁶ *Плесовский Ф.В.* А.С. Сидоров // *Этнография и фольклор коми.* Сыктывкар, 1972. С. 5–9. (Тр. ИЯЛИ. Вып. 13); *Алексей Семенович Сидоров // Исследователи Коми края / Сост. А.Г. Аксенова, Е.П. Березина, Т.В. Мульд, Л.Н. Рассыхаева.* Сыктывкар, 1984; *Жеребцов И.Л.* Судьба ученого // *Они любили свой край.* Сыктывкар, 1993. С. 115–138; *Он же.* Трагедия ученого // *Арт-Лад.* Сыктывкар, 2002. № 4. С. 64–68; *Туркин А.И.* К столетию со дня рождения А.С. Сидорова // *ЛУ.* 1992. № 4. С. 294–298; IV Симпозиум по пермской филологии, посвященный 100-летию А.С. Сидорова. Сыктывкар, 1992; *Жеребцов И.Л., Цытанов Е.А.* Алексей Семенович Сидоров. Сыктывкар, 1995. (Люди науки. Вып. 9. Коми научный центр Уральского отделения РАН); *Исследователь Коми края доктор филологических наук Алексей Семенович Сидоров (1892–1953).* Каталог личного фонда / Под ред. М.И. Бурлыкиной, сост. Ж.В. Халюкова. Сыктывкар, 1997; *А.С. Сидоров. Автобиография // Стефан Пермский и современность.* Сыктывкар, 1996. С. 97–99.

фольклор, изучал особенности говора местных жителей, обследовал археологические памятники («чуждые ямы»). В 1915–1918 гг. он обучался в Вологодском учительском институте.

После возвращения на родину занимается просветительной деятельностью. Некоторое время А.С. Сидоров возглавлял Комиссариат народного просвещения Яренского уезда, в состав которого входила часть территории, населенная коми. Именно в Яренске 22 июня 1918 г. он стал одним из организаторов и руководителей культурно-просветительского общества «Коми котыр», или Союза содействия материальному и духовному развитию Зырянского края. В Уставе общества говорилось, что его главной задачей является возрождение культуры народа коми¹. Оно объединяло людей различных политических взглядов — от социал-демократических до эсеровских, поэтому оно просуществовало недолго и вскоре, в начале Гражданской войны, распалось.

В 1918 г. в с. Усть-Выми открылась учительская семинария, где А.С. Сидоров становится преподавателем. В это время он начинает собирать фольклор, изучать диалекты коми языка, исследовать памятники археологии, интересоваться этнографическими материалами. Именно 1918 г. Алексей Семенович считал годом начала своей научно-исследовательской деятельности. В это время он организовал сбор полевого материала и привлек для этой цели учащихся семинарии. С 1921 г. он руководил первым коми вузом — Институтом народного образования (с конца 1921 г. — Практическим институтом народного образования), который был создан при его непосредственном участии. Одновременно он преподавал в нем, читал лекции по этнографии, археологии, литературе коми, методике краеведения и музейному делу². Некоторое время был за-

местителем председателя Областного комиссариата просвещения³.

Особенно активно он стал заниматься научной работой после создания в мае 1922 г. знаменитого Общества изучения Коми края, много сделавшего для развития науки и культуры в Коми. А.С. Сидоров был одним из организаторов и лидеров этого общества⁴. Ученый в разные годы был членом правления ОИКК, заместителем председателя общества, с 1924 г. по 1926 г. входил в редколлегию популярного краеведческого журнала «Коми му», редактировал его краеведческий отдел. В 1925 г., когда состоялась Первая коми областная краеведческая конференция, А.С. Сидоров становится членом и секретарем областного бюро краеведения. Также он вошел в Комиссию по изучению производительных сил края, где занимался вопросами изучения культуры. В 1926–1927 гг. Алексей Семенович являлся членом-корреспондентом Центрального бюро краеведения, располагавшегося в Москве.

Одновременно продолжалась его педагогическая деятельность. После реорганизации в 1923 г. Института народного образования в Педтехникум повышенного типа он отказался от руководящей работы и стал лектором, сосредоточившись в основном на работе в Обществе изучения коми края. Именно в это время он активно собирает материалы по традиционной культуре народов коми, которые послужили основой для его научных трудов, лично записывал их в экспедициях и использовал возможности учащихся, давая им задания на время каникул, а также привлекая их к работе экспедиций. Многие собранные материалы в то время не были использованы⁵. Например, лишь недавно было опубликовано на коми языке собрание загадок, записанных

³ Культурное строительство в Коми АССР... С. 76.

⁴ О деятельности Общества изучения Коми края см.: Жеребцов И.Л. «Золотой век» коми краеведения... С. 5–71.

⁵ Так, Ф.В. Плесовский в своей книге «Свадьба народа коми» пишет, что большая часть использованного материала была получена им от дочери А.С. Сидорова Л.А. Сидоровой.

¹ Кузьмина О.Ю., Попов А.А., Сметанин А.Ф. В начале пути... С. 29.

² В письме в Наркомпрос РСФСР он назван председателем правления Коми института народного образования (см.: Культурное строительство в Коми АССР... С. 72).

некоторыми студентами Педтехникума¹. Одновременно А.С. Сидоров сам активно занимался сбором фольклорного материала². Фольклор привлекал его как этнографический и лингвистический источник. Ученый использовал его в своей главной этнографической работе — «Знахарство, колдовство и порча у народа коми».

А.С. Сидоров также занимался сбором экспонатов для Областного краеведческого музея. Например, из своей поездки 1924 г. в верховья Вычегды из закрытого Ульяновского монастыря он привез 20 мешков книг и 134 церковных предмета, которым могли быть расхищены и утрачены. Среди них была икона Стефана Пермского с частью мощей святого в металлической оправе. В том же году он побывал в Ижме и Печоре³.

Посещая различные уголки Коми края, А.С. Сидоров знакомился с работой местных краеведческих кружков и отделений общества. Он руководил подобным кружком при Усть-Сысольском педтехникуме. Этот кружок, по сути, являлся опорой общества. Здесь разрабатывались различные программы по изучению родного края для студентов и школьников. Сам Алексей Семенович вместе с коллегами подготовил и распространял программы по историко-этнографическому изучению и изучению терминов родства. Эта методическая работа в период становления коми краеведения была исключительно важной.

¹ Нодкывъяс. Чукортёма Сыктывкарса педтехникумын велӧдчысьясӧн 1928–1929 воясӧ [Загадки. Собраны в 1928–1929 гг. учащимися Сыктывкарского педтехникума. На коми языке]. Подготовил Г. Беляев // Войвыв Кодзув. 2005. № 10. С. 62–67.

² Микуншев А.К. Роль А.С. Сидорова в развитии коми фольклористики // IV Симпозиум по пермской филологии, посвященный 100-летию А.С. Сидорова. Сыктывкар, 1992. С. 60–63; *Он же*. Фольклористические интересы А.С. Сидорова (К 100-летию со дня рождения ученого) // Вестн. культуры Коми ССР. 1992. № 3. С. 29–34.

³ Сидоров А.С. Ижмо-Печорский край (по данным полуторамесячной краеведческой поездки. Предварительный отчет по командировке в Ижмо-Печорский край по собиранию краеведческого материала // Коми му. 1924. № 7–10. С. 118–124.

Кроме того, он состоял в методическом бюро при Областном отделе народного образования, участвовал в составлении программ и планов для учебных заведений.

А.С. Сидоров был первым исследователем творчества основоположника коми профессиональной литературы — поэта *И.А. Куратова*. В 1923 г. он обнаружил в архиве своего тестя (племянника поэта) забытые к тому времени рукописи И.А. Куратова. В том же году Сидоров сделал краткий обзор рукописного наследия поэта и опубликовал два его стихотворения. Это было первое сообщение об И.А. Куратове и первая публикация его произведений в советской печати. В последующие годы ученый активно работал над подготовкой полного собрания сочинений И.А. Куратова. Оно было издано в 1939 г., к 100-летию со дня рождения поэта, без упоминания имени А.С. Сидорова, который в то время находился в заключении⁴.

В 1926–1932 гг. А.С. Сидоров работал и жил в Ленинграде⁵. В 1926 г. он был зачислен в качестве стажера в Государственную академию истории материальной культуры в Ленинграде. Его научным руководителем был назначен П.П. Ефименко, крупнейший советский археолог 1920–1930-х гг.⁶ Не вполне понятно, почему П.П. Ефименко был выбран в качестве его научного руководителя, ведь он не занимался финно-угорской археологией. Возможно, потому, что родители П.П. Ефименко — известные историки и этнографы — отбывали ссылку в Холмогорах и Архангельске и занимались этнографией Русского Севера. В качестве научной темы А.С. Сидорова была определена «Археология Коми края», по окончании исследования которой должна была быть составлена «Археологическая карта Коми области». Это обуслов-

⁴ Куратов И.А. Художественный произведения. Т. 1; Лингвистические работы. Т. 2. Сыктывкар, 1939.

⁵ Терюков А.И. А.С. Сидоров и Академия наук // IV Симпозиум по пермской филологии, посвященный 100-летию А.С. Сидорова. Сыктывкар, 1992. С. 85–86.

⁶ Формозов А.А. О Петре Петровиче Ефименко (материалы к биографии) // Очерки истории отечественной археологии. М., 2002. Вып. 3. С. 73–126.

лено тем, что к этому времени, после отъезда из Сыктывкара *А.Н. Грена*, А.С. Сидоров стал единственным местным ученым, который занимался изучением древнейшего прошлого края¹.

В советское время ученый положил начало археологическим исследованиям в Коми крае, с 1919 г. регулярно производил археологические раскопки в бассейнах рек Выми, нижней Вычегды, Вашки и Мезени, уделял особое внимание средневековым памятникам, найденным на этой территории. Во второй ленинградский период ученый завершил составление Археологической карты Коми области (с приложением описательного текста)². В ней он впервые обобщил как литературные данные, так и материалы собственных исследований по древнему прошлому Коми края³. Отдельные положения из этого сочинения были опубликованы уже после смерти автора⁴.

Созданная в 1927 г. Русско-финская секция Комиссии по изучению племенного состава СССР (далее — РФС КИПС) приняла решение использовать для подготовки специалистов по финно-угроведению молодых представителей финно-угорских народностей, обучавшихся в ЛГУ и академических научно-исследовательских учреждениях Ленинграда⁵.

В числе привлеченных к научной работе оказался и А.С. Сидоров. Сохранились документы, свидетельствующие о том, как это

¹ *Королев К.С., Савельева Э.А.* Археологические исследования А.С. Сидорова // IV Симпозиум по пермской филологии, посвященный 100-летию А.С. Сидорова. Сыктывкар, 1992. С. 34–36. Список его публикаций по археологии см.: Археология Республики Коми (Библиографический указатель. 1852–1999). Сыктывкар, 2000. С. 10–11.

² Архив Института археологии РАН.

³ *Сидоров А.С.* Памятники древности в пределах Коми края // Коми му. 1924. № 4–6. С. 70–77; № 7–10. С. 51–64; 1925. № 1. С. 40–50; № 2. С. 24–26; 1926. № 6. С. 28–32; № 7. С. 38–42.

⁴ *Сидоров А.С.* Памятники древности в пределах Коми края // Изв. Коми филиала Всесоюз. географ. общ-ва. Сыктывкар, 1954. Вып. 2. С. 69–82.

⁵ *Терюков А.И.* Финно-угорская этнография в Петербурге–Ленинграде... С. 7–17.

происходило. На одном из заседаний РФС КИПС в числе других был поставлен вопрос: «б. О привлечении практикантов к работе секции. Постановили: привлечь А.С. Сидорова (Коми), если он не связан с работой в Яфетическом институте»⁶. На следующем заседании председатель РФС КИПС Д.А. Золотарев докладывал следующее: «А.С. Сидоров не состоит в Яфетическом институте штатным сотрудником, то есть не встречается препятствий к его работе в РФС. Золотарев предлагает П.П. Ефименко взять на себя ответственное руководство занятиями А.С. Сидорова»⁷. На следующем заседании П.П. Ефименко так охарактеризовал своего подопечного: «А.С. Сидоров, который предлагается мною в качестве кандидата в аспирантуру при Секции, сын крестьянина, зырянин по происхождению и один из видных местных работников по изучению местного края. Автобиографический очерк, помещенный в № 1–2 “Этнографии” за 1926 г., дает достаточное представление об его интересах в области этнографии, языка и прошлого края, и его организационной, немаловажной для края работе. Со своей стороны я хотел бы указать лишь на то, что из частных бесед с А.С. Сидоровым я вынес впечатление о большой жажде знания и сознание крупных пробелов в научно-исследовательской подготовке, препятствующие ему развернуть действительно незаурядные силы и способности в изучении родного края. Думается, что 1–2 года работы под руководством соответствующих специалистов, о чем он мечтает в своей автобиографии, помогут действительно ему стать ценным работником в трудных условиях краевой работы. Член секции П.П. Ефименко. 3 мая 1927 г.»⁸. В это время А.С. Сидоров выступает на заседаниях секции с сообщениями, участвует в дискуссиях. Например, в извещении о заседании

⁶ Протоколы заседания Русско-финской секции КИПС за 1927 год // С.-Петербург. филиал архива РАН. Ф. 135, оп. 1, № 20, л. 64

⁷ Там же. Л. 68.

⁸ Там же. Л. 71.

РФС КИПС от 15 ноября 1927 г. говорится, что состоится доклад А.С. Сидорова «Похоронные обряды у коми-зырян»¹. 22 декабря 1927 г. на заседании РФС КИПС он вновь выступил с докладом, который в протоколах обозначен как «Материалы по археологии Коми области». Докладчик остановился на исторических данных о заселении Коми области и дал подробную характеристику всех работ по изучению и выявлению археологических памятников области Коми, представил подробное описание памятников: находки каменной индустрии, бронзы, меди, городищ и могильников, обследованных им самим в течение последних лет. После доклада, вызвавшего оживленный обмен мнениями, было признано, что работы, произведенные А.С. Сидоровым, имеют большое научное значение². 20 ноября 1928 г. он сделал доклад «Знаки семейной собственности у Коми»³.

В докладной записке руководителя секции проф. Д.А. Золотарева на имя секретаря АН СССР академику С.Ф. Ольденбургу о деятельности Русско-финской секции сказано: «4. Руководила подготовкой к научной работе выдвиженцев: ...коми-зырянина А.С. Сидорова... которые, получив методические и материальные пособия от секции, обнаруживали определенные успехи в работе. Не говоря о докладах и участиях в текущей работе, позволю себе указать, что Сидоров за книгу «Знахарство, колдовство и порча у народа Коми» получил премию от Главнауки»⁴.

А.С. Сидоров в своем отчете о деятельности в 1927 г. отмечает, что он работал в Средне-Волжской археологической экспеди-

ции в Чувашии, в Нижневычегодском районе Коми, проводил этнографические и археологические изыскания. На основании этих материалов им была составлена картотека (300 карточек) к археологической карте Коми области и написана статья о погребальных обрядах коми-зырян. Кроме того, по заданию Русско-финской секции занимался разбором и регистрацией коллекции предметов охотничьего быта у коми, приобретенного этнографическим отделом Русского музея у проф. Д. Соловьева, и коллекции по одежде коми-зырян. А.С. Сидоров написал статью «Знаки собственности “пасы” у коми». Одновременно прослушал курс лекций П.П. Ефименко «Финские древности», А.В. Шмидта «Бронзовый век в России», Н.Я. Мара «Общий курс о языке». Также принимал участие в подготовке пятилетнего плана исследования Коми области, намеченного к проведению в 1929 г.⁵ Проект программы 10 января 1928 г. доложил на заседании Русско-финской секции ее председатель Д.А. Золотарев. Он сообщил, что в конце декабря Автономная область Коми обратилась в Академию наук с просьбой организовать комплексную экспедицию по исследованию области. Этот вопрос рассматривался на Совете КИПС. Было принято постановление о разработке плана экспедиции. В части, касающейся изучения человека, разработку сметы и плана работ поручили Русско-финской секции. Л.Л. Кануцей и А.С. Сидоровым был разработан проект сметы и объяснительная записка к ней.

В 1929 г. исследованием должно было быть охвачено население Верхней Печоры до с. Усть-Щугора, а также по р. Илычу, Щугору и Подчерье. В состав отряда должны были войти этнограф, лингвист, археолог, антрополог-врач, кинооператор и 4 практиканта. Общая сумма, необходимая для работы в 1929 г., —

¹ Протоколы заседания Русско-финской секции КИПС... Л. 141.

² Там же. Л. 142, 148.

³ Протокол заседания РФС КИПС от 20 ноября 1928 г. Протоколы заседания Русско-финской секции КИПС за 1927 г. // С.-Петербург. филиал архива РАН. Ф. 135, оп. 1, № 39, л. 110.

⁴ Докладная записка руководителя секции проф. Д.А. Золотарева на имя неперменного секретаря АН СССР академику С.Ф. Ольденбургу о деятельности Русско-финской секции // С.-Петербург. филиал архива РАН. Ф. 135, оп. 1, № 51, л. 5.

⁵ Сидоров А.С. Краткий отчет о выполнении летней научной командировки в Чувашскую АССР и Автономную область Коми для научных исследований // С.-Петербург. филиал архива РАН. Ф. 135, оп. 1, № 40, л. 202–203; *Он же*. Отчет о работе Русско-финской секции за истекший [1927] год // С.-Петербург. филиал архива РАН. Ф. 135, оп. 1, № 40, л. 188–189.

26 400 руб. Постановили: проект сметы и объяснительную записку принять; просить Золотарева, Капицу и Сидорова доработать их и создать окончательный вариант, вынести его в ближайшее время на обсуждение Северной комиссии АН СССР¹. И хотя этот план не был осуществлен, его разработка была большим шагом на пути планирования научного изучения Коми края.

На заседании секции 21 ноября 1928 г. Д.А. Золотарев сообщил, что намечавшийся ранее план исследовательских работ в Коми области не может быть полностью осуществлен из-за ограниченности средств, отпускаемых областью на эти работы. Учитывая финансовые возможности, Северная комиссия Комиссии экспедиционных исследований АН СССР высказалась за целесообразность продолжить в ближайшее время лишь те работы, которые начаты (по археологии, лингвистике и истории), а новые работы сосредоточить на монографическом обследовании одного селения². Тем не менее, в 1928 г. А.С. Сидоров вместе с лингвистом **В.И. Лыткиным** «продолжил начатые в прошлом году работы, давшие материалы по палеоэтнографии и языку»³.

Общение с крупнейшими специалистами по археологии и этнографии финно-угорских народов — Н.Я. Марром, А.А. Шахматовым, Д.А. Золотаревым, Д.К. Зелениным, Д.В. Бубрихом и другими — способствовало расширению научного кругозора и повышению квалификации исследователя А.С. Сидорова. Именно в эти годы происходит становление его как ученого широкого гуманитарного профиля — археолога, этнографа и лингвиста.

С 1929 г. он обучается в аспирантуре при Институте языка и мышления АН СССР. В это

время он полностью переквалифицировался — стал лингвистом. Чтобы понять, почему это произошло, необходимо вспомнить, что в 1920–1930-е гг. на страницах печатных изданий, на конференциях велись оживленные дискуссии о коми алфавите, о литературных нормах коми языка и т.д. Важную роль в этом играли работы **В.И. Лыткина**, В.А. Молодцова и, конечно, А.С. Сидорова⁴. Долгое время он был одним из главных специалистов в коми лингвистике.

К вопросам коми языка ученый впервые обратился еще в 1926 г., опубликовав небольшую заметку о яфетической теории как методике изучения коми языка⁵. Если говорить о его лингвистических взглядах, то надо помнить, что они сформировались в 1920-е гг., под воздействием нового учения о языке, разработанного академиком Н.Я. Марром. С яфетидологией А.С. Сидоров познакомился в Ленинграде во время стажировки и позднее — во время учебы в аспирантуре. О приверженности исследователя к этой научной теории говорит тот факт, что он опубликовал в Усть-Сысольске обзор работ Н.Я. Марра и специальную работу, в которой говорил о полезности этой теории для коми языкознания⁶.

Будучи аспирантом, 16 марта 1929 г. он становится доцентом отделения национальных меньшинств, коми секции Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена (ныне —

⁴ Подробный анализ его лингвистической деятельности провели коми языковеды Г.В. Федюнева и Е.А. Цыпанов. См.: Федюнева Г.В. Алексей Семенович Сидоров // Сидоров А.С. Избранные статьи по коми языку. Сыктывкар, 1992. С. 5–22; Она же. А.С. Сидоров — лингвист // Лексикология и лексикография коми языка. Сыктывкар, 1988. С. 6–12. (Тр. ИЯЛИ. Вып. 41); Жеребцов И.Л., Цыпанов Е.А. Алексей Семенович Сидоров... С. 33–40; Туркин А.И. К столетию со дня рождения А.С. Сидорова // *Linguistica Uralica*. 1992. С. 294–298.

⁵ Сидоров А.С. Яфетическая теория и коми язык // Коми му. 1926. № 10. С. 46–47.

⁶ Сидоров А.С. Н.Я. Марр. По этапам развития яфетической теории: сб. ст.; Яфетическая теория. Программа общего курса учения о языке // Коми му. 1928. № 4. С. 43–44. Более подробно о его увлечении яфетологией см.: Жеребцов И.Л., Цыпанов Е.А. Алексей Семенович Сидоров... С. 34–38.

¹ Протокол заседания РФС КИПС от 10 января 1928 год // С.-Петербург. филиал архива РАН. Ф. 135, оп. 1, № 20, л. 153.

² Протокол заседания РФС КИПС от 21 декабря 1928 года // С.-Петербург. филиал архива РАН. Ф. 135, оп. 1, № 39, л. 118.

³ Протокол заседания РФС КИПС от 23 октября 1928 года // С.-Петербург. филиал архива РАН. Ф. 135, оп. 1, № 39, л. 101.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена). В 1933–1934 гг. — заведующий кафедрой коми языка и литературы Коми пединститута в Сыктывкаре. Возвращение в Сыктывкар было связано с открытием Коми педагогического института, куда были переведены преподаватели и студенты коми секции Пединститута им. А.И. Герцена. В 1934 г. он вернулся в Ленинград для разработки вопросов коми языка и культуры, где работал до 1937 г. в должности старшего научного сотрудника Ленинградского отделения Центрального научно-исследовательского Института языка и письменности народов СССР. В сфере его интересов находились синтаксис языка коми, древнекоми письменность. Но его продолжали интересовать и другие разделы культуры коми.

К исследованию проблем традиционной культуры народов коми А.С. Сидоров обращается в середине 1920-х гг. Его прежде всего интересовали проблемы народных религиозных представлений. Первая этнографическая работа была посвящена тотемизму у коми. Затем появилась работа о пережитках культа промысловых животных¹. В эти годы он опубликовал специальную программу по историко-этнографическому изучению коми народа, которая активно использовалась в его преподавательской практике². Ему принадлежит одна из первых публикаций, посвященных сельскохозяйственным приметам коми³.

В 1928 г. вышла в свет книга А.С. Сидорова «Знахарство, колдовство и порча у народа коми», содержащая уникальные данные о народной медицине коми, различных обрядах, суевериях, написанная на основе об-

ширнейшего материала, собранного автором в 1918–1926 гг. в различных районах Коми края. Эта книга, как и другие его публикации, благодаря богатству и оригинальности этнографического материала, остается ценнейшим источником, ибо многое из того, что представлено в его книгах и отдельных публикациях, постепенно исчезло из традиционной народной культуры. Большое внимание ученый уделял сбору коми пословиц, загадок и примет. Вообще, все его этнографические работы богаты фольклорным материалом⁴. С именем ученого связано открытие т.н. «колдовского-разбойничего» эпоса у коми, центральными персонажами которого являлись богатыри-разбойники и колдуны. Эта книга вызвала дискуссию среди коми краеведов. Против автора выступил *А.М. Мартюшев*⁵. А.С. Сидоров ответил на эту рецензию⁶.

В 1935 г. местная печать в Сыктывкаре обвинила исследователя в том, что он — «*контрреволюционный кулацкий буржуазный националист*». Руководитель Севкрайкома ВКП(б) (тогда в состав Северного края входила Коми область) Д.А. Конторин заявил, что в учебнике А.С. Сидорова по коми языку «*имеются места, которые угрожают тем, кто тронет кулака. И, тем не менее, этот учебник продается. <...> Виновные не привлечены к ответственности*». Критику высокого начальства подхватили на местах. Один из местных лингвистов разразился антисидоровской статьей: «*Под видом учебника преподносится антипартийный хлам с явно националистической установкой, деморализующе-пессимистическим содержанием <...> Книга имеет антипартийные установки, выраженные примерами, <...> пословицами и поговорками... Например, “испытало серд-*

¹ Сидоров А.С. Следы тотемических представлений в мировоззрении коми // Коми му. 1924. № 1–2. С. 43–50; *Он же*. Пережитки культа промысловых животных у охотников коми // Коми му. 1926. № 5. С. 29–33.

² Сидоров А.С. Программа по историко-этнографическому изучению Коми народа. Усть-Сысольск, 1924.

³ Сидоров А.С. Онь Степ Тикон. Сельскохозяйственные приметы Коми Края // Коми му. 1926. № 5. С. 42–44.

⁴ Микушев А.К. Фольклористические интересы А.С. Сидорова (к столетию со дня рождения) // Вестн. культуры Коми ССР. Сыктывкар, 1992. № 3. С. 29–33.

⁵ Мартюшев А. Кое-что о колдунах и о книге А.С. Сидорова (А.С. Сидоров. Знахарство, колдовство и порча у коми народа. Л., 1928.) // Коми му. 1928. № 12. С. 37–41.

⁶ Сидоров А. Кое-что о критике вообще и о А. Мартюшеве как критике // Коми му. 1929. № 7. С. 63–66.

це радость — обратно наступила печаль”». Учебник перестали распространять.

14 сентября 1937 г. в Ленинграде А.С. Сидоров был арестован по необоснованному обвинению в коми национализме. В санкции на арест, которая была выдана в Сыктывкаре, сказано, «что он является членом контрреволюционной буржуазно-националистической организации Коми области, на протяжении ряда лет активно проводит буржуазно-националистическую деятельность, направленную против политики партии и советского правительства, подлежит аресту и привлечению к ответственности по ст. 58 п. 10. ч. 1 и ст. 58. п. II. УК РСФСР». Он был этапирован в Сыктывкар¹. Здесь на допросах А.С. Сидоров вынужден был «под принуждением» подписывать то, что считали нужным следователи. И, несмотря на то, что он несколько раз отказывался от своих признаний, 9 февраля 1940 г. Особое совещание при НКВД СССР приговорило ученого к трем годам заключения в лагере “за участие в анти-советской организации”². А.С. Сидоров был отправлен в Каргопольский лагерь, из которого освобожден осенью 1940 г. Лишенный права проживать в Ленинграде и Москве, некоторое время трудился в Новгородской области совхозным рабочим, техником в топографической экспедиции.

В 1941 г. ученый вернулся на родину, в Сыктывкар и устроился на работу сплавщиком в Максаковскую запань. Несмотря на огромные сложности в жизни, Алексей Семенович смог завершить работу над монографией «Принадлежностный строй в коми языке», начатую еще в 1935 г. В январе 1942 г. он был принят младшим научным сотрудником в Коми научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и фольклора при Наркомпросе Коми АССР. В 1944 г. этот НИИ

¹ Холопова Д. Дело из секретного архива // Красное знамя. Сыктывкар, 1992. № 198; Она же. Дела из секретного архива (о неизвестных страницах жизни С.А. Куратова и А.С. Сидорова) // Музей и краеведение. Тр. Национального музея Республики Коми. Сыктывкар. Вып. 1. С. 88–93.

² Полециков В.М. За семью печатями. Сыктывкар, 1995.

вошел в состав Базы АН СССР в Коми АССР (с 1949 г. — Коми филиал АН СССР) в качестве отдела. Несмотря на все ужасы репрессий, которые выпали на долю ученого, творческий потенциал А.С. Сидорова остался чрезвычайно высоким. В его научной деятельности началась «эпоха Ренессанса», он почувствовал, что жить ему осталось недолго.

В 1945 г. в Карело-финском университете в Петрозаводске А.С. Сидоров защитил кандидатскую диссертацию, посвященную суффиксам в коми языке. В 1947 г. на заседании ученого совета Института языка и мышления им. Н.Я. Марра АН СССР и Ленинградского отделения Института русского языка АН СССР — докторскую диссертацию «Порядок слов в предложении коми языка», изданную в 1953 г. в Сыктывкаре. В эти годы ученым была разработана специальная программа диалектологического изучения Коми края, для отработки которой в поле он совершил несколько поездок в отдаленные районы. Он также работал также над составлением схематических карт коми диалектов.

Как было сказано выше, исследователь интересовался историей становления коми литературного языка и письменности. А.С. Сидоров открыл и впервые описал один немногих сохранившихся памятников древнепермского языка — т.н. гамский вариант рукописной обедни (перевод конца XIV в.). Результаты исследования памятников древнекоми языка были обобщены им в специальной работе³. Принимал активное участие в составлении нормативного Коми-русского словаря, изданного в 1948 г., работа над которым началась под руководством Д.В. Бубриха еще в 1942 г. и была закончена лишь в 1945 г.⁴

³ Сидоров А.С. Коми письменность эпохи раннего феодализма // Советское финно-угроведение. Л., 1948. Т. 1 (Учен. зап. ЛГУ. Сер. востоковедческих наук); Он же. Коми литературный язык эпохи раннего феодализма по памятникам письменности. Сыктывкар, 1951 // Архив Коми научного центра Уральского отделения РАН. Ф. 1, оп. 2, ед. хр. 164.

⁴ Коми-русский словарь / Сост. Д.В. Бубрих, А.С. Сидоров, Н.А. Колегова, М.А. Сахарова. Сыктывкар, 1948.

Начиная с 1945 г. все усилия отдавал своему главному делу — исследованию синтаксиса коми языка. Итогом почти десятилетней работы А.С. Сидорова стал фундаментальный труд в трех частях.

А.С. Сидоров был наиболее опытным и авторитетным ученым-гуманитарием этого периода в Коми филиале АН СССР. Он оказывал помощь молодым исследователям, давал консультации по различным вопросам, руководил аспирантами. Алексей Семенович не был хорошим оратором, слушать его выступления (доклады, лекции), по воспоминаниям Л.Н. Жеребцова, было трудно, но он умел точно и ясно разъяснить суть какого-либо вопроса, вызывавшего затруднения у начинающих ученых. А.С. Сидоров помогал не только языковедам, но и работникам других специальностей, проявлял искренний интерес к их трудам. Это было время становления гуманитарной академической науки в Коми АССР, специалистов было немного, и Алексею Семеновичу приходилось уделять внимание не только лингвистике, но и фольклористике, этнографии. Именно по его совету этнографическими исследованиями стал заниматься Л.Н. Жеребцов, впоследствии ставший крупнейшим коми этнографом второй половины XX в.¹

Следует отдельно рассмотреть две этнографические работы А.С. Сидорова, опубликованные через много лет после его смерти. Одна из них — «Идеология древнего населения коми края» — была опубликована в 1972 г. в сборнике, приуроченном к 80-летию со дня рождения ученого². Вторая — «Пережитки первобытнообщинного строя в быте и языке коми», датированная 1950 г., — издана к 110-летию коми ученого³. Оба исследования объединяет попытка автора реконструировать некоторые детали и этапы развития у коми

материнского рода в эпоху первобытнообщинного строя. Возможно, появлению работ способствовала проходившая в то время в гуманитарных науках дискуссия, приуроченная к очередному юбилею выхода книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Эта книга долгое время служила «краеугольным камнем» в построениях советских ученых о начальных этапах развития человеческого общества. А.С. Сидоров при помощи материалов обосновывал тезис о том, что коми, как и другие народы, пережили период матриархата, что отразилось в языке и быте коми.

В первой статье ученый для обоснования этого тезиса использует предметы т.н. «пермского звериного стиля», обнаруженные на территории Коми АССР. Нам представляется, что это ему не удалось. Анализ сюжетов образцов металлической пластики показал, что в их основе лежат зооморфные мотивы и отсутствуют женские персонажи. Поэтому, по мнению А.С. Сидорова, эти предметы произведены в момент завершения первобытнообщинного строя, в период перехода материнского рода в отцовский. Сами предметы он трактует как знаки родовой принадлежности. Поэтому данная работа в настоящее время имеет чисто историческое значение.

Вторая статья при обосновании указанного тезиса опирается на этнографический материал. А.С. Сидоров приводит ряд фактов, которые, с его точки зрения, являются пережитками матриархата. В поле зрения ученого попали элементы полового разделения труда, в первую очередь в хозяйственных занятиях. Подобное разделение было широко распространено у коми, хозяйство которых носило комплексный характер, в котором существенную роль играли охота, рыболовство и отхожие промыслы. В результате в семейной жизни коми важное место принадлежало женщинам, которые были вынуждены выполнять значительный объем хозяйственных работ во время отсутствия дома мужчин. То же можно сказать и о северных русских народах, у которых женщины занимали аналогичное высокое хозяйственно-социальное положение. С точки

¹ Жеребцов И.Л. Трагедия ученого... С. 65–67.

² Сидоров А.С. Идеология древнего населения коми края // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1972. С. 10–23. (Тр. ИЯЛИ. Вып. 13.)

³ Сидоров А.С. Пережитки первобытнообщинного строя в быте и языке коми // Арт-Лад. Сыктывкар, 2002. № 4. С. 69–82.

зрения автора, признаками былой «коммунистической» общности являются бытовавшие у коми формы распределения сенокосов, пашен, дележа добычи при ловле рыбы, передача части добычи немощным старикам и т.д. Кроме того, по мнению А.С. Сидорова, лишь существованием в прошлом матриархата можно объяснить многие детали свадебной обрядности. В этой статье ценно то, что здесь впервые в литературе по традиционной культуре коми встречается достаточно подробный план описания свадьбы. Сама свадьба рассматривается А.С. Сидоровым как борьба между партиями невесты и жениха. Позднее на основе этих заметок и в большей степени материалов А.С. Сидорова Ф.В. Плесовским была написана специальная монография. Не потеряла своего значения и сводка материалов по терминологии родства у коми, используемой А.С. Сидоровым в этой статье.

Здесь мы видим попытку А.С. Сидорова написать статью в русле основной парадигмы советского обществознания — стадильности и формационности общественного развития, того процесса, который сегодня иногда называют «пятичленкой». Все народы должны были обязательно пройти одинаковые этапы эволюционного развития: от первобытно-общинного строя с матриархатом и патриархатом через рабовладельческий строй, феодализм, капитализм (империализм) к социализму. Эту линию на коми материале пытались прочертить такие марксистские историки, как **Н.И. Ульянов** и **В.М. Подоров** и в конце 1950-х годов авторы «Очерков по истории Коми АССР»¹. Несмотря на то что работы Н.И. Ульянова и в особенности В.М. Подорова показали, что эта линия не прослеживается и не подтверждается коми материалом, она продолжала изучаться и позднее, в 1950-е годы.

Эти работы А.С. Сидорова идеологически «притянуты» к марксистскому пониманию общественного развития и являются данью автору тому времени, тем не менее, они имеют большое научное значение благодаря

фактическому материалу, который он приводит.

Уже будучи признанным ученым, А.С. Сидоров до конца жизни чувствовал определенное моральное стеснение: клеймо разоблаченного и наказанного по заслугам «врага народа» было смыто с него лишь через год после смерти. Поэтому каждый раз для того, чтобы, например, выступить с докладом в московском Институте языкознания, ему приходилось просить у милиции разрешения для временного проживания в Москве.

В начале 1953 г. А.С. Сидоров приехал в Москву для участия в защите кандидатской диссертации коми этнографа Л.Н. Жеребцова в качестве официального оппонента и работы в библиотеках. В начале марта состояние его здоровья ухудшилось. 21 марта 1953 г. он скончался.

В ОИКК началась научная и общественная деятельность **Доронина Павла Григорьевича** (1904–1967), коми писателя, историка, журналиста, автора ряда статей по этнографии, языку, фольклору, истории Коми АССР и истории коми литературы. Он родился в дер. Проньдор (Прокопьевка) (ныне — Сыктывдинский район Республики Коми). После учебы в местном земском начальном училище он поступил в Гамское двухклассное училище, которое окончил в 1917 г. В этом училище ранее учились **П.А. Сорокин** и **Г.А. Старцев**. В 1918 г. П.Г. Доронин окончил Усть-Сысольское городское училище. В 1918–1919 гг. он работал в Прокопьевской волости секретарем комбеда, делопроизводителем, в 1919–1920 гг. учился в Палевицком высшем начальном училище и на педагогических курсах в Яренске. Позднее, в 1920 г., продолжил образование на историческом отделении Института народного образования в Усть-Сысольске и Коми педтехникуме повышенного типа. Затем работал учителем в ряде сел Коми края (с 1925 г. — в школах Глотова и Усть-Выми). В 1926 г. поступил на историко-этнографический факультет МГУ, но отучился лишь год. После этого вновь стал преподавать в различных школах Коми края. С 1930 г. занимается литературной работой, публикуя художест-

¹ Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1955. Т. 1–2.

венные произведения на коми языке, работал редактором в различных периодических изданиях Коми области. С 1939 г. П.Г. Доронин — член Союза писателей. В 1941 г. он стал научным сотрудником Коми краеведческого музея, заведовал историческим отделом, собирал документы по истории Коми края. Участвовал в Великой Отечественной войне¹. Принимал непосредственное участие в боевых действиях, был два раза ранен. Войну закончил в Германии, где затем некоторое время служил в советской группе войск в Германии на различных военно-хозяйственных должностях.

Еще во время учебы в техникуме он вступил в Общество изучения Коми края и с 1924 г. начал «заниматься собиранием фольклора и этнографических материалов, а позже — изучением истории местного края». Его научный дебют — небольшая статья «Пережитки старины в быте крестьян Прокопьевской волости Усть-Вымского уезда», в которой он привел собранные на родине фольклорные и этнографические материалы². По-видимому, в эти годы он активно собирал антропонимические и топонимические материалы, которые присутствуют в его архиве³.

П.Г. Доронин «уцелел» в годы великого террора, когда погибли многие его коллеги. В начале 1930-х гг. он активно занимался фольклористикой, возглавлял фольклорную бригаду при Коми отделении Союза писателей СССР. Публиковал оригинальные литера-

турные произведения на коми языке. Исследователи научного творчества П.Г. Доронина отмечают его масштабную и плодотворную собирательскую деятельность⁴. В эти годы он опубликовал несколько статей о коми фольклоре, а также составил и издал два фольклорных сборника⁵. Первый из них насчитывал 36 песен и 14 свадебных причитаний. Затем занялся литературоведением, опубликовал первую в Коми АССР литературоведческую монографию на коми языке, посвященную творчеству основоположника профессиональной коми литературы — *И.А. Куратова*⁶. Этот труд был своеобразным ответом П.Г. Доронина своим коллегам по обществу — проф. *А.Н. Грену* и *А.А. Цемберу*, которые не видели перспектив развития литературы на коми языке. В соответствии с требованиями времени в книге делался акцент на социально-исторический и идеологический анализ творчества поэта, а не на проблемы поэтики художественной методологии. С 1931 г. он серьезно занялся подготовкой учебных пособий для школ, опубликовал 11 хрестоматий и учебников по коми языку и общественным наукам.

В 1946 г. П.Г. Доронин — сотрудник сектора истории Коми научно-исследовательского института, где изучал историю присоединения Коми края к Московской Руси. Несмотря на активность и плодотворность его деятельности в этом направлении, большинство его трудов не были опубликованы⁷. На тот момент он был одним из ведущих специалистов в этой области исследований, так как сбор историче-

¹ Ванеева И. Доронин П.Г. // Республика Коми: энцикл. Т. 1. С. 414; Научный поиск продолжается... С. 25–27, 58–60; Жеребцов И.Л. П.Г. Доронин и собрание материалов о народонаселении Коми-зырянского и Коми-пермяцкого края // Архивы Уральского отделения Российской академии наук: тез. докл. Второй науч. конф. Сыктывкар, 2001.

² Доронин П.Г. Пережитки старины в быте крестьян Прокопьевской волости Усть-Вымского уезда // Коми му. 1924. № 1–2. С. 91–93.

³ Доронин П.Г. Характерные фамилии по волостям Коми АССР // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р–1346, оп. 1, № 75; *Он же*. Происхождение фамилий и населенных мест на территории Коми АССР // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р–1346, оп. 1, № 76; *Он же*. Историческая топонимика Коми // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р–1346, оп. 1, № 48.

⁴ Микушев А.К., Рочев Ю.Г., Чисталев П.И. История собирания и изучения коми фольклора // История коми литературы. Т. 1. С. 15.

⁵ Доронин П.Г. Фольклорный сборник / Сост. П.Г. Доронин. (Фольклорный сборник / Сост. П.Г. Доронин.) Сыктывкар, 1938.

⁶ Доронин П.Г. И.А. Куратовлӧн творчество. (Творчество И.А. Куратова). Сыктывкар, 1939.

⁷ См., например: Разложение первобытно-общинного строя и присоединение территории Коми в состав Московского государства. 1941–1949. 302 л. // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р–1346, оп. 1, № 7; *Он же*. Расселение коми племен по историческим документам. 1947. 330 л. // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р–1346, оп. 1, № 2.

ских сведений начал еще в конце 1920-х гг. и обладал огромной картотекой материалов¹. Главной его заслугой в этот период — введение в научный оборот местного летописного свода, известного как Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская), или Коми-Вымская, летопись, ценнейшего исторического источника по истории Коми края². Копия этой летописи была обнаружена П.Г. Дорониным в 1927 г., но не заинтересовала ученых.

В 1949 г. П.Г. Доронин был вынужден снова прекратить научные исследования из-за резкой критики в свой адрес в связи с «некоторыми космополитическими извращениями сталинского учения о нации в области истории народа коми» со стороны заместителя директора Коми базы АН СССР Н.И. Шишкина³. Спор между Н.И. Шишкиным и П.Г. Дорониным был в большей степени теоретическим. В основном он касался уровня развития древнекоми племен XII–XIV вв. и причин возникновения феодализма у предков коми. Он начался после выхода книги «Коми-Пермяцкий национальный округ»⁴. Однако и Н.И. Шишкин, и П.Г. Доронин стояли на одинаковых методологических позициях — проповедовали марксистско-ленинскую концепцию исторического развития общества и учения об общественных формациях, более известную сегодня как «пятичленка». Не отрицая основного постулата этой концепции — все народы без исключения должны пройти одинаковые стадии развития — они существенно расходились в оценке уровня общественного развития древних коми и истоков формирования

у них феодализма. По мнению П.Г. Доронина, Н.И. Шишкин вслед за **В. Подоровым, Н.И. Ульяновым** «тенденциозно выпячивает вопрос о том, что коми племена по своему общественному развитию на рубеже I–II тыс. н.э. стояли не только на уровне с русско-славянскими племенами, но и гораздо выше последних»⁵. Кроме того, Н.И. Шишкин в своих работах, по мнению оппонента, слишком преувеличивал влияние греческой и иранской культуры на коми (и сегодня нельзя говорить о прямом влиянии иранского и греческого миров на культуру народов коми, хотя некие отголоски контактов с иранцами в языке коми имеются). Одновременно П.Г. Доронин выступал против высказанной **В. Подоровым** еще в конце 1930-х гг. отрицательной оценки роли монастырской колонизации Коми края, в первую очередь против Стефана Пермского, и самого факта присоединения Коми края к Московскому княжеству. В ходе этой дискуссии обе стороны оперировали не только научными понятиями, но и политической терминологией того времени, обвиняя друг друга в использовании «вредных буржуазно-националистических теорий». В своем выступлении П.Г. Доронин отмечал, что «состояние изучения истории народа коми <...> находилось на низком теоретическом уровне, допускались методологические ошибки в исследованиях». Его выступление в защиту высказанных им идей было признано администрацией Коми Базы «попыткой притупить остроту поставленного вопроса борьбы с космополитизмом, идеалистическим языкознанием и буржуазной историографией». 2 июля 1949 г. состоялось еще одно заседание ученого совета Базы, на котором Н.И. Шишкин выступил с докладом «О методологии изучения истории и языка народа коми», в котором подверг резкой критике деятельность П.Г. Доронина. Последний, как было сказано в официальном письме руководства Базы,

¹ Например, им было составлено оставшееся неопубликованным «Описание архивных материалов по истории Коми, хранящееся в различных архивах». 1947. 503 л. // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-1346, оп. 1, № 86. В его архиве хранятся 40 различных сборников выписок по истории Коми края.

² Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. № 4. С. 241–271. О летописи см.: *Флорья Б.* Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967.

³ Научный поиск продолжается... С. 31–32, 58–59.

⁴ *Шишкин Н.И.* Коми-Пермяцкий национальный округ...

⁵ *Доронин П.Г.* Фальсификация в вопросах периодизации первобытно-общинного строя и зарождения феодализма Коми // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-1346, оп. 1, № 87, л. 3.

«не только не признал свои антинанучные, антиисторические позиции и проистекающие отсюда ошибки в вопросах происхождения и истории народа коми, но, наоборот, усугубил эти ошибки», ибо по-прежнему отстаивал свою точку зрения. В решении ученого совета Коми Базы 2 июля было записано, что «лже-научные теории происхождения народа коми, протаскиваемые <...> П.Г. Дорониным <...> своими корнями идут к <...> концепции Бубриха и других идеалистов и формалистов буржуазной историографии». В тот же день П.Г.Доронин был уволен.

Вообще дискуссия 1949 г. по истории народа коми еще ждет своего исследователя. С точки зрения современной науки она вызывает исключительно историографический интерес, но следует отметить, что она велась в рамках общенаучной дискуссии о языке через призму сталинской методологии. В архиве сохранились материалы выступлений П.Г. Доронина по этому вопросу в 1949 г. и позднее¹. Лишь в 1950 г. ученый публично смог высказаться по этой проблеме в республиканской газете «Вөрлэдзысь», издававшейся на коми языке².

¹ Сохранились варианты его статей, посвященных этом вопросу: Доронин П.Г. Фальсификация вопросов по истории Коми // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-1346, оп. 1, № 88; *Он же*. Возникновение и развитие Биармийской теории и ее постановка по Н. Шишкину // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-1346, оп. 1, № 89; *Он же*. Проблема этногенеза Коми в работах Н.И. Шишкина // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-1346, оп. 1, № 90; *Он же*. Заметки по Биармийской теории // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-1346, оп. 1, № 91; *Он же*. К вопросу о Биармии // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-1346, оп. 1, № 92; *Он же*. Извращения в вопросах по истории Коми // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-1346, оп. 1, № 93; *Он же*. Фальсификация вопросов истории Коми // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-1346, оп. 1, № 94; *Он же*. Н.И. Шишкин об ошибках в изучении происхождения коми народа и его языка // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-1346, оп. 1, № 95; *Он же*. Возникновение и развитие Биармийской теории. Биаромийская теория в постановке Н. Шишкина // Архив Коми научного центра УрО РАН. Ф. 1, оп. 12, д. 39а.

² Доронин П.Г. Грубая фальсификация в вопросах происхождения Коми // Вөрлэдзысь. 1950. № 100.

Это была не первая критика его деятельности. Еще осенью 1935 г. П.Г. Доронин составил проект программы по истории коми литературы для средней школы, предложив включить в нее изучение рассказов **К.Ф. Жакова** «В коми деревне» и «Богословский завод». Судя по материалам его архива, он собирал сведения о творчестве своего земляка³. В декабре 1935 г. его программа подверглась резкой критике на страницах газеты «За новый Север» со стороны **И.И. Оботурова**. Последний категорически потребовал исключить из программы произведения **К.Ф. Жакова**, **И.Т. Чисталева**, **Ф.В. Попова** и некоторых других авторов. Он писал, что П.Г. Доронин хочет «воспитывать коми детей на реакционных произведениях белогвардейца Жакова и прочих негодных произведениях», которые «дают извращенное представление о старой коми деревне и должны быть бесспорно изгнаны из советской школы».

После этого П.Г. Доронин перешел на работу в журнал «Войвыв кодзув» («Полярная звезда», на коми языке), где публиковал статьи на историко-культурную тематику, позднее состоял уполномоченным Литфонда Союза писателей СССР в Коми АССР. Повидимому, именно в это время он начал собирать материалы по истории коми культуры и литературы, которые не были опубликованы и сохранились в его архиве⁴.

Тем не менее, ученый продолжал заниматься научными изысканиями. В 1950-е гг. им были написаны две работы по административному устройству Коми края, которые остались неопубликованными⁵. В них рассматри-

³ Доронин П.Г. Жизнь и творчество К.Ф. Жакова // Национальный архив Республики Коми. Ф. 1346, оп. 1, № 190; *Он же*. Выписки из произведений Ф.К. Жакова. Материалы к его биографии // Национальный архив Республики Коми. Ф. 1346, оп. 1, № 272.

⁴ Доронин П.Г. Письменность и литература коми до Октябрьской социалистической революции // Архив Коми научного центра Уральского отделения РАН. Ф. К-1, оп. К-11, ед. хр. К-250.

⁵ Доронин П.Г. Административное деление и управление (Коми) краем в XVIII веке // Национальный архив Республики Коми. Ф. 1349, оп. 1, № 14; *Он же*. Административное деление и управление Коми

ваются изменения этнической границы коми. По мнению И.Л. Жеребцова, это первые специальные работы по данному вопросу¹.

В сентябре 1962 г. П.Г. Доронин в очередной раз стал научным сотрудником Коми филиала АН СССР. К этому времени относится составление им «Хроники литературной жизни Коми АССР». Несмотря на часто необоснованную критику его научной деятельности, он являлся талантливым писателем и разносторонним ученым, внесшим большой вклад в изучение коми фольклора, литературы и истории (особенно периода Гражданской войны в Коми крае)².

Необходимо остановиться на рассмотрении рукописи П.Г. Доронина «Первобытно-общинный строй на территории Коми АССР»³. К сожалению, она не датирована. Возможно, рукопись написана в 1946–1949 гг., когда он активно занимался историей региона. В методологическом плане она выдержана в русле марксистско-ленинского учения об общественных формациях. Об этом говорят постоянные экскурсы и ссылки автора на основополагающую работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Особенно рельефно это влияние наблюдается при описании истории развития семейных отношений у коми (л. 80–99), хотя в этом разделе содержатся и этнографические материалы. По-видимому, рукопись не завершена. Тем не менее исследование достаточно информативно и может быть использовано в качестве источника по этнографии народов коми, хотя автор не всегда указывает источники полученных сведений по традиционной культуре народов коми. На наш взгляд, не утратили научного значения разделы, посвященные уста-

новлению этнической границы проживания коми (л. 25–62), которые перекликаются с более поздней работой Л.Н. Жеребцова⁴. В качестве этнографического источника можно использовать и материалы раздела «Древняя религия коми» (л. 100–156). Рассматривая этот вопрос в русле марксистской социологии религии, П.Г. Доронин пытается опровергнуть мнение о том, что к моменту принятия христианства у коми были представлены различные анимистические культы. Хотя весь представленный материал говорит об обратном.

Современный исследователь также может воспользоваться разделом, озаглавленным как «Сведения о занятиях, быте и религии коми народа»⁵. В нем собраны различные этнографические материалы по верованиям, занятиям и быту народа коми. По-видимому, это личные записи П.Г. Доронина, которые использовались им в научных разысканиях. Например, находящийся в этом сборнике космогонический миф о сотворении мира из яйца приводится П.Г. Дорониным в его работе «Первобытно-общинный строй на территории Коми АССР»⁶. По публикациям известно несколько таких мифов, но авторы редко указывают место записи тех или иных текстов. Он датирует запись, приводит сведения о месте записи и авторе текста, что придает мифу новую черту — его индивидуализм. В настоящее время, когда усилился интерес к деятельности *Стефана Пермского*, большое значение имеют записанные П.Г. Дорониным нарративы, в которых содержатся предания о деятельности Стефана и его преемников в Коми крае (л. 11–21), которые также локализованы и авторизированы. Здесь же приводятся несколько фольклорных текстов колдовского цикла.

краем. Сыктывкар, 1957 // Национальный архив Республики Коми. Ф. 1349, оп. 1, № 54.

¹ Жеребцов И.Л. Коми край в XVIII — середине XIX в.: территория и население. Сыктывкар, 1998. С. 10.

² В «Библиографическом указателе литературы о Коми АССР» учтены 36 его публикаций.

³ Доронин П.Г. Первобытно-общинный строй на территории Коми АССР // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-1346, оп. 1, № 1.

⁴ Жеребцов Л.Н. Расселение народа коми... Возможно, П.Г. Доронин использовал некоторые разделы этой рукописи при публикации статьи «Историческое расселение народа коми» в мае 1941 г. в газете «Вөрлэдзсы».

⁵ Доронин П.Г. Сведения о занятиях, быте и религии коми народа // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-1346, оп. 1, № 143.

⁶ Доронин П.Г. Первобытно-общинный строй... Л. 146–149.

Другой видный коми исследователь — **В.И. Лыткин** — в эти годы занимался этнолингвистикой¹. Не утратили научной ценности его статья о взаимодействиях древнерусского и коми языков и исследование, посвященное рассмотрению научных данных о коми-зырянах и коми-пермяках². В.И. Лыткин принял участие в дискуссии, развернувшейся в связи с выходом в свет статей **А.Ф. Теплоухова**³. Позднее он сосредоточился на коми лингвистике. Занимался сбором сведений о сохранившихся памятниках древнекоми языка⁴.

Завершая раздел, посвященный развитию этнографии коми в 1920-е гг., следует остановиться на деятельности еще одного исследователя — **И.Н. Мошегова**, более известный для читателей того времени под псевдонимами Игнатий Мёсшег, Иган, Игоннь Мёсшег. Он был связан с Обществом изучения Коми края, публиковался в Усть-Сысольске (Сыктывкаре), но жил в Финляндии.

Игнатий Николаевич Мошегов (1880–1965) — коми-пермяцкий историк и публицист, писатель⁵. Родился в Кочевском р-не

Коми-Пермяцкого автономного округа в крестьянской семье. В 1900 г. окончил Бирскую инородческую учительскую семинарию и 8 лет работал учителем. В 1908 г. был уволен с должности учителя по политическим мотивам. Начиная с 1912 г. служил землемером. В 1915 г. он мобилизовался в армию и был направлен в офицерское училище в Ташкенте. Участник Первой мировой войны. Полтора года провел в германском плену. В декабре 1918 г. вернулся домой, на Урал, и вновь был мобилизован в армию, на этот раз в колчаковскую. После разгрома Колчака некоторое время служил в Красной Армии, но не принял Советскую власть. В 1920 г. нелегально прибыл сначала в Эстонию, а затем — в Финляндию. Видимых причин для такой резкой перемены места жительства не было, Советская власть проявила к нему, как и многим колчаковцам, лояльность. Там сначала И.Н. Мошегов читал лекции, работал в разных издательствах. В 1930 г. открыл магазин в Тампере, а в 1933 г. стал владельцем небольшого книжного магазина в Хельсинки.

В Финляндии И.Н. Мошегов начал заниматься наукой и политической публицистикой. Был избран иностранным членом ОИКК, в 1926–1928 гг. опубликовал ряд статей под псевдонимом Мёсшег⁶. Его публикации были посвящены описанию свидетельств былого древнего величия народа коми и его культуры. Он исходил из положения, что «еще не было человека, который бы беспристрастно исследовал историю народа коми». Но в опубликованных работах он, по мнению критиков, не привел каких-либо реальных данных, действительных свидетельств о прошлом коми

¹ Лыткин В.И. Языковой состав населения Нижней Вычегды в конце XIV в. (при Стефане Пермском) // Коми му. 1924. № 1–2. С. 55–57.

² Лыткин В.И. Некоторые следы взаимоотношений древнерусского и коми языков // Коми му. 1924. № 4–6. С. 78–83; *Он же*. Что говорят научные данные о коми-зырянах и коми-пермяках // Коми му. 1929. № 16–17. С. 34–38.

³ Лыткин В.И. [Рец.] А.С. Теплоухов. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая его смена пермским и русскими народами // Зап. УОЛЕ. 1923–1924. Т. 39 // Коми му. 1925. № 5. С. 70–72.

⁴ О деятельности В.И. Лыткина см.: *Жеребцов И.Л., Некрасова Г.А., Демин В.Н.* В.И. Лыткин: жизнь и творчество. Сыктывкар, 1997; *Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н.* Тернистый путь к вершинам науки // Стоявшие у истоков (Очерки истории становления гуманитарной науки в Коми). Сыктывкар, 2005. С. 78–102; Василий Ильич Лыткин. Биобиблиографический указатель. Сыктывкар, 1995.

⁵ *Жеребцов И.Л.* История Перми Великой и Перми Вычегодской в работах коми-пермяцкого писателя И.Н. Мошегова // Пермский край: прошлое и настоящее (к 200-летию образования Пермской губернии). Пермь, 1997. С. 33–34; *Туркин А.И.* Мошегов И.Н. // Республика Коми: энцикл. М., 1999. Т. 2. С. 300; *Сурво А.А.*,

Жеребцов И.Л. Последний плен Игнатия Мошегова // Финно-угры — славяне — тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации). Ижевск, 2009. С. 452–458.

⁶ *Мошег И.* Коми народ как участник в мировой торговле в прошлом // Коми му. 1926. № 4. С. 34–37; *Он же*. Пера. (Из народных преданий) // Коми му. 1926. № 5. С. 38–42; *Он же*. Свидетельства о древнем величии и культуре народа коми // Коми му. 1926. № 12. С. 18–21; *Он же*. Свидетельства о древнем величии и культуре народа коми. Искусство. Письменность. Причины падения коми (пермской) культуры // Коми му. 1927. № 6–7. С. 67–70.

народа, а пытался лишь воскресить легенду о богатой и могущественной Биармии, будто бы существовавшей на Европейском Севере до прихода русских (славян). Мёсшег считал, что Биармия располагалась на территории Коми края, а предки коми были жителями этой легендарной страны. Он, в отличие от *А.Н. Мартюшева*, преувеличивал численность населения Коми края, степень экономического и культурного развития коми-зырян «домосковского, дорусского» периода. По мнению исследователя, после присоединения края к Москве ситуация резко ухудшается, в результате войн и репрессий численность коми резко уменьшается. И.Н. Мошегов в своих работах затрагивал и вопрос этногенеза и расселения коми¹.

Его работы вызвали острую критику со стороны других членов ОИСК — *А.Н. Мартюшева, В.М. Подорова, А.Ф. Теплоухова*. Последний, в частности, писал о «*безграничной фантазии*» Мёсшега². Надо отметить, что эта дискуссия была малопродуктивна, ибо обе стороны в основном опирались на собственные эмоции, чем на имеющийся в их распоряжении материал, пытаясь трактовать достаточно краткие известия русских летописей о коми. Например, незначительность письменных источников И.Н. Мошегов объясняет тем, что «*правительство царей не только истребляло завоеванные народы, но, по силе, возможности старалось и истреблять и историю*»³. Редакция журнала «Коми му» была вынуждена объявить, что она не разделяет «*некоторые смелые выводы*» автора.

¹ Мёсшег И. Судьба коми, живших по берегам р. Камы и ее притокам на север от Усожья // Коми му. № 5. С. 27–29; *Он же*. Пермь Великая в теории А.Ф. Теплоухова и по историческим данным // Коми му. 1926. № 6. С. 32–42; *Он же*. О судьбе коми, живших по реке Оби // Коми му. 1926. № 8. С. 36–38; *Он же*. Судьба коми, живших на Северной Двине и Сухоне — заволоччане // Коми му. 1927. № 1–2. С. 29–32; *Он же*. Где же была родина коми? // Коми му. 1927. № 4–5. С. 57–60.

² Теплоухов А.Ф. Пермь Великая по историческим данным и в фантазии И. Мёсшега // Коми му. 1927. № 6–7. С. 71–83.

³ Мёсшег И. Ответ на критические статьи Мартюшева и Теплоухова // Коми му. 1928. № 4. С. 38–40.

Мёсшег в 1922 г. издал в Хельсинки свою первую публицистическую книгу, направленную против советской власти, под названием «Правда о большевизме»⁴. Эта книга проникнута ярким антикоммунизмом, он характеризует «*большевизм как еврейский коммунизм*»⁵. А.А. Сурво и И.Л. Жеребцов пишут, что эта книжка была явно заказной, за ней стояли определенные круги. Он принимал активное участие в т.н. «племенной работе», то есть в пропагандистской деятельности среди финно-угорских народов за пределами Финляндии, в первую очередь на территории Карелии и Петербургской губ.⁶

Затем последовали еще несколько работ подобного характера: «В восточном чертовом котле. Воспоминания одного коми», «Крик помощи из тюрьмы народов», «Старая и сегодняшняя Москва и угнетенные народы Северо-Востока Европы» и т.д.⁷ Публикация этих работ позволила причислить этого интересного непрофессионального историка к числу «изгоев» отечественной науки. Упомянувшийся выше *Н.И. Ульянов* в начале 1930-х гг. называл И.Н. Мошегова зырянским националистом с панфинляндским уклоном⁸. Имя И.Н. Мошегова фактически исчезло со страниц печати. Период забвения продолжался до 1990-х гг. Так, его имя и работы не попали в «Библиографический указатель литературы о Коми АССР», изданный в Сыктывкаре в 1963 г. По мнению Я.Н. Безносикова, «*в статьях А.Н. Грена, Мосшега и некоторых других авторов проводилась открытая линия на противопоставление народа коми русскому народу, отрицалось прогрессивное влияние передовой русской культуры на развитие коми национальной культуры*»⁹.

⁴ Mösseg I. Totuus bolshevismista. Helsinki, 1922.

⁵ Mösseg I. Totuus bolshevismista... С. 39.

⁶ Сурво А.А., Жеребцов И.Л. Последний плен Игнатия Мошегова... С. 454.

⁷ Mösseg I. Idän hiidenkattilassa. *Он же*. Syrjän-iläsen muistelmat. Jyväskylä, 1927; *Idem*. Häätähuuto kansojen vankilasta. Helsinki, № 1. 1930. № 2. 1932.

⁸ Ульянов Н.И. Очерки истории... С. 116.

⁹ Безносиков Я.Н. Культурная революция... С. 110.

То же случилось и в Финляндии. После ее поражения в 1944 г. во Второй мировой войне его сочинения попали в список запрещенных по идеологическим понятиям книг, были изъяты из библиотек и книжных магазинов в специальные хранилища. Поэтому Паула Кокконен, недавно опубликовавшая статью о И. Мошегове, озаглавила свою работу «Автор запрещенных книг»¹.

Руководство ОИКК считало развертывание научно-краеведческого движения только первым шагом на пути развития науки, в том числе этнографии, в Коми области. Не прекращая работы по укреплению местного краеведческого движения, общество неоднократно выступало с предложениями о создании специальных академических учреждений. Например, в 1927 г оно обратилось в Академию наук СССР с предложением организовать комплексное изучение Коми области². Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик при Академии наук СССР 30 декабря 1927 г. поддержал идею проведения планомерных научных исследований Коми края. Подобный план, составленный **Г.А. Старцевым**, также был предложен Комиссией по изучению племенного состава при АН СССР. Последний был командирован в Сыктывкар для согласования совместных действий. Но изменилась политическая ситуация, которая привела к свертыванию краеведческого движения, и план остался лишь проектом³.

Высказывались и более радикальные предложения. Например, А.А. Чеусов ратовал за создание отдельной Коми академии наук и искусств. **А.С. Сидоров** в 1929–1930 гг. разработал проект положения о Коми краевед-

ческом научно-исследовательском институте, целью которого должна была стать «*планомерная работа по поднятию культуры и хозяйства Коми области*». Эту работу, полагал А.С. Сидоров, следует вести в двух направлениях: 1) изучение естественных производственных сил (фауны, флоры, почв, недр, климата) и 2) исследование языка, фольклора и материальной культуры и быта коми и ненцев, истории этих народов. Но этот проект не был воплощен в жизнь.

В конце 1920-х гг. Коми автономная область оказалась в сфере интересов ряда геологических, ботанических, географических и лесоустроительных экспедиций. Например, только в 1927 г. таких экспедиций было 19⁴. Коми край издавна, начиная с XVIII в., привлекал ученых природными богатствами. Но в своем большинстве они оставались лежать в туне, без разработки. Например, неоднократно предпринимались попытки начать разработку ухтинской нефти, которые чаще всего заканчивались безрезультатно⁵. Начавшаяся в 1925–1926 гг. эпоха модернизации промышленности СССР требовала больших природных минеральных ресурсов. Благодаря работе изыскательных партий, кроме естественно-исторических материалов, характеризующих Коми край, появилась серия публикаций социально-экономического характера, позволяющих использовать их для характеристики хозяйства коми-зырян. Их колоссальная ценность в том, что они зафиксировали состояние коми общества перед коллективизацией и началом массовой экономической миграции в эти районы, которая впоследствии привела к серьезным изменениям в культуре и быту коми. К сожалению, большинство этих материалов хранится в центральных архивах Москвы, но некоторая их часть была опубликована в Сыктывкаре. На характеристике некоторых из них следует остановиться.

¹ *Kokkonen P.* Kiellettyjen kirjojen kirjottaja // *Kansalliskirjasto*. 2006. № 2. S. 30–35.

² *И.П.* К вопросу об организации всестороннего изучения Коми области силами Академии наук СССР // *Коми му.* 1928. № 1. С. 45–47.

³ *Старцев Г.А.* Отчет о результатах командировки в 1927 г. в Коми область по установлению связей с местными организациями для производства исследовательских работ по этнологии с приложением первого пятилетнего плана НИИР в Коми области на 1928/29–1932/33 гг. // *ПФА РАН.* Ф. 135, оп. 2, ед. хр. 261.

⁴ Краеведческая хроника // *Коми му.* 1927. № 7. С. 49–50.

⁵ Первую практическую попытку промышленной разработки ухтинских месторождений нефти предпринимал М.К. Сидоров.

Например, по результатам работы Печорской лесоэкономической экспедиции Наркомата земледелия в 1926 г. появляется несколько работ одного из крупнейших отечественных охотоведов профессора — Д.К. Соловьева, которые касались охоты у коми-зырян¹. Наиболее информативная из них — большая статья о звероводстве на Печоре². О существовании этого промысла у коми-ижемцев упоминали многие исследователи, но Д.К. Соловьев впервые детально описал эту отрасль хозяйства. Используя местный опыт, ученый предлагал перевести частный процесс производства на заводской уровень, используя определенный алгоритм действий³. Эта тема рассматривается и в статьях В.Я. Генерозова⁴. Кроме того, Д.К. Соловьеву принадлежит специальная статья, в которой он рассматривает экономическую составляющую охотничьего промысла у коми⁵. В своих работах исследователь приводит ряд примеров обычного права в этой отрасли традиционного хозяйства у коми, которые использовались местным населением при решении морально-этических споров.

Из числа работников культуры, оставивших след в истории коми этнографии того времени, следует отметить **Даниила Тимофеевича Яновича** — этнографа и музеоведа. Он был не ученым теоретиком, а практиком, и его деятельность в большей степени была связана с Областным краеведческим музеем и сбором коллекций по народам коми. Именно благода-

ря его усилиям фонды краеведческого музея г. Усть-Сысольска в 1920-е гг. пополнились интереснейшими материалами по этнографии коми ижемцев, уникальной коллекцией произведений русского и зарубежного искусства⁶.

Даниил Тимофеевич Янович (1879–1940) родился в г. Боровичи Новгородской губ. в дворянской семье. Отец был юристом, после окончания Киевского университета работал судебным следователем, потом — городским судьей. В связи с разъездами отца по городам страны он обучался в разных классических гимназиях: г. Петербурга (Введенская гимназия), Твери и Владимира-на-Клязьме. В последнем городе Д.Т. Янович получил аттестат зрелости, с плохой отметкой по Закону Божьему, что воспрепятствовало его поступлению в Московский университет. Однако после поручительства профессора Н.А. Кулибина его приняли в Петербургский университет. Позднее он написал, что «*университетские годы провел в Петербурге, в Москве и Гельсингфорсе (где слушал на дому проф. этнографа Сирелижса (Сирелиуса), а в Этнографическом музее — Гейкеля)*»⁷.

В Петербурге будущий этнограф «с первого же курса делил время между слушанием лекций на физико-математическом факультете, на историческом цикле филологического и занятиями в Этнографическом музее Академии наук, под руководством академиков В.В. Радлова, С.Ф. Ольденбурга и хранителей отделов Д.А. Клеменца и Л.Я. Штернберга». Это помогло ему получить «*солидный музейный практикум*». За проявленную склонность к собиранию научных материалов по этнографии его пригласили для работы в этнографический отдел Русского музея. Здесь

¹ Милованович Д. Работа Печорской лесо-экономической экспедиции Управления лесами НКЗ // Коми му. 1927. № 3. С. 40–45.

² Соловьев Д.К. О звероводстве на Печоре // Коми му. 1927. № 1–2. С. 3–20.

³ Соловьев Д.К. Звероводство на Печоре и Госторг // Коми му. 1927. № 3. С. 14–16.

⁴ Генерозов В.Я. Увеличение пушных ресурсов Коми области и акклиматизация в ней ондатры // Коми му. 1927. № 3. С. 3–11; *Он же*. Промышленное звероводство за границей и перспективы крестьянского звероводства в Коми области // Коми му. 1927. № 4–5. С. 11–25; № 6–7. С. 37–41.

⁵ Соловьев Д.К. Экономика охоты в Печорском крае // Коми му. 1927. № 8. С. 31–38; № 9. С. 12–24; *Он же*. Охотничье население Печорского края и его быт // Коми му. 1927. № 12. С. 31–37.

⁶ Поповцева Э.К. Русское искусство XVIII — начала XX века. Живопись, графика, скульптура: Каталог. Сыктывкар, 1991; *Она же*. История возникновения в Республике Коми первых художественных коллекций // Атлас Республики Коми. М., 2001. С. 472–473.

⁷ Анкета арестованного и Протокол допроса (Копия 3/ВГ) от 13 февраля 1935 г. УГБ УНКВД ЗСК. Цит. по: Пьянкова Т.А. Даниил Тимофеевич Янович. Страницы биографии // Музей и краеведение. Тр. Национального музея Республики Коми. Сыктывкар, 2004. С. 35.

Д.Т. Янович специализировался на собирании предметов материальной культуры и *«увлекся изучением народного искусства и главным образом орнамента»*. Во время учебы в Петербурге он прослушал лекции **К.Ф. Жакова**, о чем говорит некролог, написанный Д.Т. Яновичем в журнале «Коми му»¹. Именно тогда он познакомился с далеким северным краем: *«В беседах со мной Каллистрат Фалалеевич часто мечтал о систематическом обследовании всех древних городищ зырянского края, старых могильников и береговых стоянок; он часто совещался со мной по вопросу о собирании этнографической коллекции, объемлющей быт его родного народа, а также о сборе топонимических названий в фонетически-правильной передаче народного говора — для точного определения территории, которую в былые, отдаленные времена занимали предки коми»*.

Д.Т. Янович учился в Московском университете, точнее — прослушал курс отделения географии, этнографии и антропологии по физико-математическому факультету. *«Д.Т. Янович был студентом первого курса в течение 20-ти лет, так и не продвинувшись дальше. Роковым для него оказался экзамен по курсу общей физики, который он, учась на физико-математическом факультете, так и не смог преодолеть»*². Здесь его приятелем был другой коми ученый — **В.П. Налимов**.

Д.Т. Янович в университете специализировался у Д.Н. Анучина, который, по всей вероятности, и рекомендовал его для участия в комплексной экспедиции 1909 г. Академии наук на нижнюю Обь и Северный Урал и с которым Д.Т. Янович состоял в переписке по поводу обработки материалов этой экспедиции. Здесь он собирал материалы по этнографии и антропологии ненцев и обских угров («остяков и самоедов»)³.

¹ Об этом он пишет в некрологе на смерть К.Ф. Жакова: Янович Д.Т. Каллистрат Фалалеевич Жаков. 1865–1926 гг. // Коми му. 1926. № 1–2. С. 5–6.

² Налимов В.В. Мой отец // Парма. 1994. № 1–2. С. 38–39.

³ Мурашко О.А., Кренке Н.А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке. М., 2001. С. 12–13.

В 1913 г. назначен на должность помощника хранителя Художественно-промышленного музея имени Александра II при Строгановском училище, куда был приглашен специально для описания его богатейшего музейного собрания. После революции исследователь по решению музейного отдела Наркомпроса становится заведующим музеем и возглавляет его до 1924 г. В то же время он активно участвует в работе музейного отдела Комиссии по охране памятников искусства и старины г. Москвы.

Позднее Д.Т. Янович был председателем Экспертной комиссии при отделе художественных ценностей Наркомата внешней торговли и консультантом конторы «Новоэкспорт» Госторга, работал в Главнауке Наркомата просвещения, заведовал отделом народного быта и этнографической части Первой сельскохозяйственной и кустарной выставки, полярным подотделом Наркомнаца, был ученым секретарем Комитета содействия народностям северных окраин при Президиуме ЦИК. Он участвовал в работе Ассоциации востоковедения, Общества изучения Урала, Сибири и Дальневосточного края, антропологического отделения Тимирязевского научно-исследовательского института.

В 1925 г. Д.Т. Янович как представитель Комитета Севера был направлен в Усть-Сысольск. Одной из его задач стало обследование музейного дела. Ученый отмечал, что музейное дело в Коми области находится в зачаточном состоянии. Однако при умелой деятельности в будущем на базе Краеведческого музея можно развернуть работу научного института⁴. Он ходатайствует в Областном исполкоме об отпуске средств на экспедиции по сбору этнографического материала. Уже в сентябре музей получает 1000 руб., и Д.Т. Янович вместе с **В.П. Налимовым** выезжают в тундру⁵. Маршрут экспедиции пролегает до с. Ижмы, затем через д. Петрунь на

⁴ Плаксина Н. Судьба дарителя неизвестна // Республика. 2003. 14 нояб.

⁵ Зеновская В., Сивкова А. Дар профессора Яновича // Республика. 1997. 31 мая.

с. Усть-Усу и доходит до с. Колвы. Здесь он выступил с докладом на Первом съезде самоедов. Условия жизни оленеводов, снабжение их продуктами, обеспечение медицинской помощью, административное и снабженческое разделение оленеводов-ижемцев и самоедов — вот основные проблемы, о решении которых он говорил в своем докладе. Эта экспедиция к ижемским коми, из которой он привез около 1000 экспонатов, имеет особое значение для Национального музея Республики Коми. Поступление было настолько значительным, что встал вопрос о расширении помещения музея «*вдвое больше прежнего*»¹. Д.Т. Яновичем были привезены орудия труда, характеризующие земледелие и скотоводство, охоту и рыболовство, обработку дерева, шкур, средства передвижения и переноски тяжестей, деревянные посуда и утварь, предметы, связанные с приготовлением пищи (в их числе пасечницы с христианской и солярной символикой), одежда, обувь (в том числе деревянные боты с деревянными заплатками!). В его коллекции были предметы, связанные с шитьем, вязанием, прядением ткачеством (как образец сбора типичных вещей необходимо отметить уникальную коллекцию веретен, украшенных характерной для коми ижемцев трехгранно-выемчатой резьбой, насчитывающую 344 экземпляра), предметы личной гигиены, курительные принадлежности, культовые изделия (деревянный идол, киот-столбец) и т.д.

Первый раз Д.Т. Янович был арестован в 1920 г. за связь с военнопленными (освобожден через 32 дня). В 1931 г. осужден по ст. 58–11 УК РСФСР и отправлен в ссылку на три года, находился в ссылке в Иркутске, Красноярске и Новосибирске. Новый арест последовал в 1935 г. в Новосибирске, но был освобожден через четыре месяца.

В 1937 г., он перед очередным арестом в Москве работал в Бюро транскрипции Главного управления Государственной службы картографии и одновременно в Учпедгизе. На этот раз в обвинительном заключении ему ин-

криминировались систематическая контрреволюционная пропаганда и злостная клевета на руководство ВКП(б), что каралось по статье 58–10 УК РСФСР. Решением Особого совещания Д.Т. Янович за контрреволюционную деятельность осужден и отправлен в исправтрудлагерь сроком на восемь лет начиная с 27.10.1937. Он отбывал наказание в Карагандинском ИТЛ, в отделении Сарепта (ныне — п. Сарепта Карагандинской обл.), где умер от кровоизлияния в мозг в январе 1940 г.

В 1960–1970-е гг., оценивая деятельность этих ученых в области этнографии и археологии народов коми, обычно отмечалось, что в их трудах содержится огромный фактический материал, который не потерял своей актуальности и в наши дни. Но в то же время в угоду идеологических установок того времени их деятельность оценивалась критически. Например, Н.Я. Безносиков писал, что «*в ряде научных работ и статей трактовка и оценка отдельных исторических событий и фактов, экономического положения Коми области, прогнозов ее развития давались с позиции субъективного социологизма и национализма. Часто подчеркивалась “исключительная” самобытность народа коми, пропагандировалась так называемая “теория” существования могущественного биармийского государства. В статьях А.Н. Грена, Мосиiega и некоторых других авторов проводилась открытая линия на противостояние народа коми русскому народу, отрицалось прогрессивное влияние передовой русской культуры на развитие коми национальной культуры*»². Сегодня можно утверждать, что деятельность членов Общества изучения Коми края не была националистической. Она имела национально-просветительский характер и была направлена в первую очередь на поиск истоков традиционной культуры народов коми, определение места и роли этих народов в становлении многонационального Русского государства, путей развития собственной культуры этих народов. Деятель-

¹ В Коми областном музее // Коми му. 1926. № 4. С. 4.

² Безносиков Я.Н. Культурная революция в Коми АССР... С. 110.

ность ОИКК можно определить как этно-мобилизирующую. Она была ориентирована в первую очередь на инициирование интереса к собственной культуре и истории у широких народных масс. Одновременно эта деятельность позволила коми самоидентифицироваться, с одной стороны, осознать свое единство, а с другой — выделиться из остальной финно-угорской массы. И если некоторые из ученых выступали с лозунгами, которые определялись как «шовинистические», то это было в первую очередь, как нам кажется, проявление эмоций, чувства любви к родному народу, языку и культуре, а не конкретное знание, которое достигалось деятельностью местных краеведов и ученых. Перефразируя высказывание В.И. Ленина, можно сказать, что это была «детская болезнь левизны» в коми краеведческом движении.

3.2. Этнография народов коми в 1930-е гг.

В начале 1930-х гг. наблюдается спад в изучении культуры народов коми. Он был обусловлен причинами скорее политическими, чем научными. В середине 1920-х — начале 1930-х гг. в Москве был взят курс на изменение целей и задач краеведческого движения: краеведение должно использоваться для решения конкретных, узких задач социалистического хозяйственного строительства. Краеведение стало рассматриваться не как историко-культурное, общегуманитарное направление, а как природно-экономическое, производственно-утилитарное. Как писал историк И.М. Гревс, один из выдающихся организаторов краеведческого движения в СССР, «новое краеведение выступает у нас в настоящие дни под знаком общественной пользы, выдвигая практический, утилитарный принцип, оттого оно по преимуществу обращается к изучению современности, а изучая ее усиленно, стремится к постановке задач исследования производства и естественных производительных сил»¹.

¹ Гревс И.М. История и краеведение // Краеведение. 1926. № 4. С. 496.

Представители «нового краеведения» требовали прекращения «модного в прежние времена гробокопательства», т.е. отказа от исторических, археологических и этнографических исследований². Кроме того, были выдвинуты некоторые положения, которые должны были лечь в основу нового краеведческого движения: «Должен быть выдвинут примат естественно-исторических исследований; историко-археологическая и историко-культурная работа при отсутствии марксистского подхода к ней должна быть удалена из работ по краеведению».

Одновременно началась «чистка» движения от «чуждых элементов» и «вредителей». Началом этому процессу послужило публичное выступление начальника Главнауки М. Лядова, который прямо заявил, что «сейчас почти вся сеть краеведческих обществ находится в чужих, враждебных руках»³. Краеведы обвинялись в идеализации буржуазно-помещичьего строя, идеалистическом мракобесии, пропаганде религии, контрреволюционной трактовке исторического материала и т.д.⁴ Жертвами этой политики стали многие ученые-гуманитарии, краеведы, представители духовенства.

Все эти процессы отразились и в Коми области. В рамках подобной политики в мае 1931 г. руководство ОИКК приняло решение о прекращении деятельности общества. В декабре 1931 г. при Окружном краеведческом музее был учрежден историко-этнографический кружок под председательством **А.А. Цембера**, но просуществовал он недолго. В 1932 г.

² Первое совещание по краеведению Отделения изучения природы СССР Государственного тимирязевского научно-исследовательского института. Вологда, 1925.

³ Лядов М. В первую очередь — внимание краеведческому музею // Комсомольская правда. 1929. 24 апр.

⁴ Дзенс-Литовский А.И. На новых путях краеведческой работы (проблема производственного краеведения) // На новых путях краеведческой работы. Л., 1926. С. 5–6; Рубинштейн Н. Борьба с классовым врагом в краеведческой литературе и задачи историков-марксистов // Против вредительства в краеведческой литературе. Иваново, 1931. С. 7.